

ЖОЗЬ ШАРБОННО ИСПЫТАНИЕ

ТВОЕ ВРЕМЯ ПОЧТИ ИСТЕКЛО...

Annotation

Война превратила большую часть планеты в обугленные развалины. Строительство будущего — удел немногих избранных нового поколения, которым выпала честь восстанавливать землю. Но чтобы войти в избранный круг, кандидаты должны пройти Тестирование — и это их единственный шанс на высшее образование и достойную карьеру.

Маленсия Вейл — девушка из отдаленной колонии, попав в столицу Соединенного Содружества, надеется пройти Тестирование и стать образцовой студенткой Университета. Однако при выполнении заданий ее ждет сущий кошмар: ложь, подлость, предательство. Но хуже всего то, что ей придется усомниться в чувствах самого дорогого для нее человека...

Жоэль Шарбонно

Испытание

Joelle Charbonneau

THE TESTING

Печатается с разрешения Houghton Mifflin Harcourt Company.

Серия «Бегущий в лабиринте»

© Joelle Charbonneau, 2013

© Перевод. А. Ю. Кабалкин, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

*Посвящается Стейше Деккер –
по множеству причин.*

Сегодня выпускной.

Трудно устоять на месте, пока мать поправляет на мне праздничную красную блузку и убирает мне за ухо непослушную прядь светло-каштановых волос. Наконец, она поворачивает меня лицом к зеркалу, висящему на стене нашей гостиной. Красный цвет! Теперь на мне красное, и — прощай, розовое. Я взрослая. От наглядного доказательства этого факта щекотно в животе.

— Ты готова, Сия? — спрашивает мама. Она тоже одета в красное, только ее платье до пола изготовлено из тончайшей волнистой материи. На его фоне моя блузка без рукавов и кожаные ботинки смотрятся по-детски, ну да ничего, я еще дорасту до статуса взрослой, времени впереди полно. Пока что мне всего шестнадцать, я гораздо младше всех остальных в классе.

Я бросаю последний взгляд на свое отражение. Надеюсь, сегодня моему образованию не наступит конец, хотя это не в моей власти. В моей власти — всего лишь мечтать, что мое имя назовут среди кандидатов, отобранных для Испытания.

Я взволнованно сглатываю и киваю:

— Пошли.

Церемония вручения дипломов проходит на площади, заполненной прилавками с выпечкой и свежим молоком, потому что сама школа невелика и не вместила бы всех пожелавших присутствовать. Наша выпускная церемония привлекает всю Колонию, и немудрено: здесь не найти человека, чей родственник не удостоился бы сегодня статуса взрослого или, по крайней мере, не перешел бы в следующий класс. Такого большого выпускного класса, как в этом году, в колонии Пять Озер еще не бывало: восемь юношей и шесть девушек. Явный признак того, что колония процветает!

Мой отец и четверо братьев, по-праздничному одетые во все бордовое, ждут нас с мамой перед нашим жилищем. Зин, старший брат, с улыбкой ерошит мне волосы.

— Ну что, готова расстаться со школой и перейти в настоящий мир, к нам, разгильдяям?

Мама хмурится, а мне смешно.

Зин и остальные мои братья никакие не разгильдяи. Достаточно сказать, что девушки на них буквально виснут. Они и сами, конечно, не прочь пофлиртовать, но ни одному из них еще не пришла охота остепениться. Им куда интереснее выводить новые гибридные сорта помидоров, чем заводить семьи. С наибольшим основанием это относится именно к Зину. Он высокий блондин и умница, каких мало. Тем не менее его так и не отобрали для Испытания. Стоит это вспомнить, и день меркнет. Наверное, это первое правило взрослой жизни, которое мне предстоит уяснить: *ты не всегда получаешь то, чего хочешь*. Зину наверняка хотелось продолжить учебу в Университете, пойти по отцовским стопам. Он, должно быть, сейчас угадывает мои чувства. Жаль, что нельзя с ним поговорить, спросить, как он справился с разочарованием, которое, скорее всего, ожидает и меня. Нашей колонии повезет, если хотя бы одного нашего выпускника отберут для Испытания. Вот уже десять лет Пять Озер обходит эта удача. Я хорошая ученица, но не самая лучшая, есть гораздо способнее меня. Разве у меня есть шансы?

Выдавливая улыбку, я отвечаю брату:

— А как же! Разве я могу оставаться в школе, если к тому времени, когда вы все

переженитесь, намерена возглавить колонию?

Харт и Вин краснеют. Они оба старше меня всего на два года, и мысли о женитьбе, даже об уходе за ними, вызывают у них испуг. Братья с удовольствием трудятся в теплицах, выращивая деревья и цветы, которые выводит наш отец для возрождения бесплодных земель вокруг колонии.

— Хватит топтаться на месте! — торопит мама, обогнавшая нас всех. Мои братья и отец спешат за ней. То, что Зин и Хеймин еще не помышляют о женитьбе, — ее больное место.

Из-за отцовской работы наш дом расположен дальше от центра колонии, чем большинство домов. Усилиями отца и братьев земля вокруг нашего домика покрылась пышной растительностью, но всего в сотне шагов от крыльца растрескавшаяся почва ничего не родит, не считая чахлой травы и редких деревьев-уродцев. По словам отца, земля к западу отсюда еще хуже, поэтому наши вожди и решили основать колонию Пять Озер здесь.

Обычно я езжу в центр колонии на велосипеде. Кое у кого из наших имеются автомобили, но горючее и солнечные батареи достаточной площади — слишком большая ценность для ежедневного пользования. Поэтому я пешком тащусь за своим семейством все пять миль до центральной площади колонии.

Называть это место «площадью» довольно странно, но мы пользуемся этим словом за неимением более подходящего. Пространство в форме черепахи имеет овальную середину и боковые отростки. Посередине красивый фонтан, посылающий вверх прозрачные струи. Этот фонтан — роскошь, ведь чистая вода в наши дни — большая редкость. Но колония позволяет себе такое красивое расточительство в честь человека, придумавшего, как очистить озера и пруды после Седьмой стадии. То, что осталось от океанов, очистке почти не подлежит.

Чем ближе мы подходим к центру колонии, тем зеленее становится вокруг, тем громче птичье пение. Мама сегодня необычайно молчалива. Зин шутит, что она не хочет, чтобы я вырастала, но, по-моему, это не так.

Хотя, может, он и прав.

Мы с мамой хорошо ладим, но в последние два года она как-то от меня отдалилась. Уже не так охотно помогает мне с уроками, ей куда интереснее предпринимать маневры, ведущие к женитьбе сыновей, и обсуждать, куда я денусь после школы. Разговоры о том, отберут ли меня для Испытания, не приветствуются. Поэтому я все реже беседую с ней и все чаще с отцом. Он не меняет тему, когда я заговариваю о продолжении образования, хотя и не поощряет меня. Просто, наверное, не желает разочаровывать.

Солнце печет всюду, и, взбираясь на последний холм, я обливаюсь потом. Еще ничего не видно, но музыка и смех звучат все громче, заставляя меня ускорить шаг. Когда до вершины холма остается всего ничего, отец обнимает меня и предлагает пропустить остальных вперед.

Как ни манит меня то, что происходит там, внизу, я послушно останавливаюсь.

— Что-то случилось?

У него погрустнели глаза, хотя с лица не сходит улыбка.

— Все в порядке, — отвечает он. — Просто захотелось немного побыть с дочкой, пока ее жизнь не завертелась, словно сумасшедшая карусель. Как только мы перевалим через этот холм, все изменится.

— Знаю.

— Волнуешься?

— Немножко. — Во мне бурлят радостное предвкушение, страх и прочие противоречивые чувства, и мне трудно выразить их словами. — Так странно, когда не знаешь, что будешь делать завтра, когда проснешься...

Большинство моих одноклассников уже определились со своим будущим. Одни знают, где продолжат учебу, другие отправятся на поиски работы в иные колонии. Есть среди них и такие, кто уже определил, с кем образует семью. Я ничего такого про себя не знаю, хотя отец ясно дал понять, что я могу работать с ним и со своими братьями, если захочу. Перспектива та еще: для труда на земле я совершенно не гожусь. Помогая последний раз отцу, я чуть не погубила проросток подсолнуха, который он выращивал несколько месяцев. У меня хорошо получается чинить разные механизмы, но я — гроза растений.

— Смело встречай любой поворот судьбы. Я буду тобой гордиться, что бы ни принес сегодняшний день.

— Даже если меня не возьмут на Испытание?

— Особенно если тебя не возьмут на Испытание. — Он улыбается и ласково тычет меня пальцем в живот. Когда я пешком под стол ходила, это был верный способ меня рассмешить. Сегодня это тоже вызывает у меня улыбку. Приятно знать, что кое-что остается неизменным, хотя я не очень верю словам отца.

Отец учился в Университете, там он освоил премудрость генной модификации всевозможных растений с целью добиться их выживания на испорченных, бесплодных землях. Он мало рассказывает об этом и о колонии, в которой вырос, — наверное, потому, что не хочет, чтобы на нас давил его успех. Но на меня он все равно давит.

— Ты думаешь, меня не примут?

Отец хмурится:

— Я думаю, что ты умнее, чем сама считаешь. Никто не знает, на ком остановит свой выбор комитет и почему. Из моего класса отобрали для Испытания пятерых. Остальные четверо всегда учились лучше, чем я, тем не менее в Университет попал один я. Испытание не всегда справедливо, иногда на нем происходят ошибки.

— Но ты ведь не жалеешь, что так вышло. Посмотри, какие чудеса ты день за днем творишь благодаря этому!

Деревья вокруг нас всюду цветут, обещая богатый урожай яблок. Дикая ежевика стоит стеной, глазам больно от россыпи маргариток и других цветов. Я вечно путаюсь с их названиями, знаю лишь, что отец приложил руку к созданию немислимого прежде богатства. В моем детстве всего этого не существовало — во всяком случае того разнообразия растений, которые теперь покрывают пестрым ковром окрестные холмы. До сих пор помню, каково это — ложиться спать голодной. Еды было в обрез, отец еще только работал с фермерами, бравшимися накормить людей. И у них вышло! Мы в колонии Пять Озер верны традиции бережливости, но голод остался в прошлом. А все мой отец!

— Какое может быть сожаление, раз у меня не было выбора... — Отец смотрит вдаль, над нами с веселым чириканьем вьются птицы. Вот он улыбается, хотя я вижу по его глазам, что он полон воспоминаний. — И потом, я не переехал бы сюда и не познакомился с твоей мамой, если бы не поступил в Университет. Где бы я тогда оказался?

— Наверное, жил бы дома с родителями, и твоя мама переживала бы из-за того, что ты не задумываешься о своем будущем.

Его взгляд проясняется, он подмигивает мне, гладит по голове.

— Звучит так, словно эта участь горше смерти! — Именно на это намекает, наверное,

мама, когда твердит Зину, что жизнь проходит мимо него. — Идем, а то наши забьют тревогу. Просто запомни одно: я верю в тебя, что бы ни произошло.

Рука в руке мы с отцом поднимаемся на холм, спешим на шум веселья. Я улыбаюсь, но в глубине души остается тревожное чувство, что отец не верит в мою способность не подвести, не разочаровать его.

Колония раскинулась на много миль, поэтому это единственный в году верный повод собраться всему населению Пяти Озер. Еще мы сходимся вместе, чтобы выслушать обращение наших вождей, но это случается нечасто. Наша колония с населением девятьсот с чем-то человек — одна из самых малочисленных и удаленных от Тозу-Сити, где заседает правительство Соединенного Содружества. Мы не заслуживаем пристального внимания, и большинство из нас это устраивает. Нам и так хорошо. Чужаков мы не сторонимся, но и не встречаем их с распростертыми объятиями. Пусть сперва убедят нас в своем дружелюбии!

Как ни велика площадь, она до отказа заполнена множеством празднично одетых людей. По краям площади теснятся лавки, торгующие свечами, выпечкой, обувью, предметами домашнего обихода. Когда начнется вручение дипломов, они закроются, а пока стараются привлечь побольше покупателей, людей, нечасто появляющихся в городе с целью что-то приобрести или обменять. Монета Соединенного Содружества в нашей колонии редкость, ею пользуются лишь те немногие, кто состоит на правительственной службе, как мой отец.

— Сия!

Мое внимание привлекает машущая рука — ко мне бросается Дейлин, моя лучшая подруга. С развевающимися светлыми волосами, в раздуваемом ветром розовом платье она расталкивает на бегу беседующих сограждан. В руке у нее рожок быстро тающего розового мороженого. Крепко обнимая меня, она тараторит:

— Представляешь, твой выпуск! С ума сойти! По такому случаю всем раздают бесплатное мороженое.

Я тоже обнимаю подругу, сторонясь при этом тающего мороженого. У мамы случится нервный припадок, если я посажу на свое новое платье пятно еще до начала церемонии.

— Я тоже схожу с ума. Ужас, до чего страшно!

Дейлин — единственная, с кем я поделилась опасениями за свое будущее в случае, если меня не отберут для Испытания. Оглядевшись, чтобы удостовериться, что нас никто не слышит, она отвечает:

— Мой отец слышал, что сегодня ожидается выступление специального гостя.

На вручении дипломов всегда много ораторов. Выступят наши учителя, магистрат и прочее руководство Пяти Озер. Когда собирается вся колония, в темах для разговора не бывает недостатка. Так что «специальный гость» оставляет меня равнодушной, пока Дейлин не добавляет:

— Отец сказал, что это гость из Тозу.

Тут я обращаюсь в слух:

— Гость из Тозу?

В последний раз столичные чиновники посещали Пять Озер три года назад, когда умер наш прежний магистрат. Тогда к нам пожаловали двое мужчин и женщина с целью выбора нового руководителя колонии. Обычно Тозу-Сити сообщается с нами при помощи обращений и радиопереговоров с нашим магистратом.

— Так сказали моему отцу. — Дейлин слизывает с запястья талое мороженое. — Отец считает, что он явился, чтобы сопровождать кандидата на Испытание. Вдруг это будешь ты? — Она на мгновение грустнеет. — Как мне будет тебя недоставать!

Мы с Дейлин — ровесницы, родились с разницей всего в две недели и дружим с трехлетнего возраста. Родители отдали ее в школу как положено, в шесть лет. Мои же рискнули начать мое обучение с пяти, поэтому мы с ней попали в разные классы. Она скромнее, сообразительнее, мягче меня. Еще ей труднее заводить новых друзей, она всегда ждет, пока с ней заговорят. Если бы я не подбивала ее вступать в беседу за обедом и не спешить домой после уроков, то она ела бы одна, а потом возвращалась бы в унылый пустой дом, пока остальные веселятся возле школы. Ее мать погибла два года назад в аварии, а отец, вообще-то приятный человек, редко бывает дома, поэтому Дейлин приходится заниматься хозяйством в одиночку и мучиться воспоминаниями. В школе я стараюсь ее подбадривать, но порой она сильно тоскует. Боюсь, как бы тоска не поглотила ее целиком, когда рядом не окажется никого, чтобы ее развеселить.

Я снова сжимаю ее в объятиях и говорю:

— Каждый год кто-нибудь пускает слух про шишку из Тозу на нашем выпуске. — При этом я не могу не мечтать о том, чтобы в нынешнем году слух оправдался. Чтобы не отстать от Дейлин, я добавляю: — Для меня еще осталось мороженое?

Я ищу клубничное и заодно здороваюсь с другими подругами, многие из которых, как Дейлин, переходят в выпускной класс. Надеюсь, кто-нибудь из них возьмет ее под свое крылышко через несколько недель, когда начнется новый учебный год. Если этого не произойдет, я сама постараюсь облегчить Дейлин жизнь.

Мама машет мне рукой и хмурится. Мне приходится оставить улыбающуюся Дейлин с другими ученицами и бежать через площадь к фонтану, где меня ждет семья. Почти все встречные радостно меня приветствуют. Наша семья едва ли не каждый год меняет жилье, перебираясь в ту часть колонии, где, по мнению магистрата, мастерство отца нужнее всего. Из-за этих переездов трудно привязаться к дому, зато, в отличие от большинства земляков, знающих только своих соседей и бывших одноклассников, я знакома чуть ли не со всеми жителями колонии.

Дошколята, одетые в бледно-желтое и зеленое, танцуют вокруг круглого фонтана шириной в 12 футов и иногда брызгают друг в дружку водой. Но туда, где сидит мама, они не суются: она дает им понять выражением лица, что тому, кто ее обрызгает, не поздоровится. Кажется, меня тоже ждет выволочка — не знаю еще за что.

Она придиричиво меня рассматривает:

— Какая растрепанная! Чем ты занималась?

У меня очень непослушные волнистые волосы, хорошо еще, что не кудри. Я прошу постричь меня коротко, но мама твердит, что незамужней молодой женщине необходимо ходить с аккуратными длинными волосами. Я бы охотно согласилась, будь моя прическа аккуратной.

Барабанная дробь и звуки труб заставляют маму оставить в покое мои волосы. У меня замирает сердце. Пора занять свое место в строю. Сейчас начнется вручение дипломов.

Отец и братья отделяются от толпы и по очереди обнимают меня, потом я тороплюсь к помосту, на котором нам, выпускникам, предстоит простоять всю церемонию. Говорят, легче отучиться одиннадцать лет в школе, чем продержаться два с лишним часа, прощаясь с ней. Надеюсь, это шутка.

Мы выстраиваемся, как нам показывают, в глубине сцены — мальчики сзади, девочки впереди. Это хорошо — будь все наоборот, я бы ничего не увидела. Мои братья унаследовали у отца и матери высокий рост, а я пошла в кого-то из представителей прежних поколений. Во мне всего пять футов два дюйма, я ниже всех девочек в нашем классе.

Мисс Йорген, учительница, никак не успокоится, строя нас. По меньшей мере десяток раз она напоминает нам, чтобы мы не забывали улыбаться, стояли прямо и ели глазами собравшихся. Это ее первый выпуск в колонии Пять Озер, и она, ясное дело, нервничает. Наконец, удовлетворенная нашей выправкой, она занимает свое место на середине сцены. Снова барабанят барабаны и трубят трубы. Магистрат Оуэнс появляется в дверях своего дома — единственного трехэтажного дома на площади — и шагает сквозь толпу. Это крепкая седая женщина с морщинистым лицом. Ее красное платье темнее, чем у остальных, с оттенком ржавчины. Подойдя к трибуне, она наклоняется к микрофону, который должен разнести ее голос на всю площадь, и провозглашает:

— Счастливого выпуска!

Мы хором повторяем эти слова, несколько человек хлопают в ладоши. Магистрат Оуэнс ждет, пока на площади установится тишина, и продолжает:

— Вручение дипломов об окончании школы — волнующий момент для всех нас, но больше всего волнуются выпускники у меня за спиной. Завтра они станут желанным пополнением среди трудящихся нашей колонии. Двадцать пять лет назад правительство Соединенного Содружества решило отправить сюда сто пятьдесят мужчин, женщин и детей. Они создали колонию Пять Озер в надежде, что наш упорный труд возродит обезображенный край, некогда покрытый густыми лесами и тучными полями. Колония носит название Пять Озер в память о Великих Озерах. Все мы вместе стараемся вернуть им былое величие. Чтобы мечта стала явью, нам требуются руки каждого члена сообщества. Мы счастливы, что этот выпуск добавляет в наши ряды еще четырнадцать человек. С каждым нашим шагом вперед растет потребность в рабочих руках, без которых невозможен прогресс. Поверьте, новые работники нужны всегда. Знаю, что многие из вас еще не решили, чем займутся во взрослой жизни, но все мы с благодарностью примем любой ваш вклад в общее дело в предстоящие годы.

Толпа аплодирует. Я трепещу от волнения. Магистрат Оуэнс объявляет:

— А теперь — Выпускной Парад!

Я закусываю губу, чтобы не дрожала, когда барабаны и трубы начинают играть марш. Глаза щиплет, их на мгновение застилают слезы, и я перестаю видеть своих одноклассников, которых с завтрашнего дня придется называть бывшими. Каждый год ученики школы маршируют по площади под аплодисменты зрителей. Перед каждым классом двое учеников несут плакат с перечислением дисциплин, изученных в прошедшем учебном году. После церемонии плакаты вывешивают на площади, и жители решают голосованием, какой из них лучший. Взрослые часто заключают пари. Я как выпускница впервые не участвую в параде. Меня больно ранит мысль, что мои парады уже позади.

Возглавляет парад младший класс, за ним следует второй и так далее. Они маршируют под барабаны вокруг фонтана и переходят в сектор слева, огражденный канатами. Когда все десять классов выстраиваются перед сценой, судья Оуэнс рассказывает про новую транспортную систему, уже связавшую Тозу-Сити с десятью колониями. В конце концов не останется колонии, в которую не ходили бы поезда. Мне со сцены видно, как радостно встречают слушатели это сообщение. Закончив с новостями Соединенного Содружества,

судья Оуэнс передает слово ответственным за водоснабжение, электроэнергию, земледелие и другие проекты. Все это растягивается более чем на час. Звучат напоминания о необходимости экономить воду, призывы к добровольцам принять участие в строительстве жилья для молодоженов. Даже мой отец выступает — сообщает о новом, более устойчивом сорте картофеля, выведенном его бригадой.

Я моргаю, стараясь скрыть удивление. Дело не в новом сорте, о нем я знаю. У старого была твердая кожура толщиной в целых полдюйма, черневшая на воздухе. Это как-то связано с генной трансформацией, произведенной отцом с целью добиться созревания картофеля в бесплодной почве. Черная кожура вообще-то мало кого волновала: счистишь ее — и картофель съедобен. Но Зин попробовал вывести сорт без этой кожуры и добился успеха. Так что для меня не стал неожиданностью новый сорт картофеля, удивительно было то, как отец о нем объявил. Неделю назад он говорил, что успех проекта — заслуга Зина, а тут даже не упомянул его имени!

Я вытягиваю шею, стараясь разглядеть в толпе Зина. Наверное, он разочарован: ведь это должно было стать его триумфом! Растерян ли он так же, как я? Он стоит, прислонившись к дереву, в центре аплодирующей толпы. Несколько человек хлопают его по спине: все-таки он — член отцовской бригады. Но его улыбка не может меня обмануть. Стиснутые челюсти и прищур свидетельствуют о том, что он воспринял слова отца как пощечину.

Отец под аплодисменты покидает сцену, и на трибуну поднимается наша учительница. У меня учащается дыхание, подкашиваются ноги. Вот оно: сейчас я расстанусь со школой и с детством!

Мисс Йорген подбадривает нас улыбкой и произносит в микрофон:

— С гордостью зачитываю список выпускников, заканчивающих сегодня учебу и вступающих во взрослую жизнь.

Она вызывает по одному учеников нашего выпускного класса. Мои одноклассники выходят на середину сцены, трясут руку магистрату Оуэнс и возвращаются в строй. Имена следуют в алфавитном порядке, поэтому я в списке последняя.

— Маленсия Вейл.

Я с трудом держусь на ногах от волнения, да и долгое стояние без движения дает о себе знать. Я подхожу к трибуне и под аплодисменты пожимаю руку учительнице и магистрату. Дейлин кричит громче всех остальных и так широко улыбается, что я не могу не улыбнуться в ответ. Сердце выскакивает у меня из груди. Вот я и взрослая. Победа!

С застывшей улыбкой я занимаю свое место в строю класса. Магистрат Оуэнс возвращается на трибуну. Толпа затихает. От неизвестности меня подташнивает, пальцы непроизвольно сжимаются и разжимаются. Если кого-то из нас отобрали для Испытания, об этом будет объявлено с минуты на минуту. Я опять вытягиваю шею, только теперь ищу не брата и не подругу, а незнакомое лицо — того самого столичного чиновника, который, по слухам, нагрязнул в нашу колонию.

Незнакомых лиц я не вижу. Магистрат Оуэнс одаривает всех нас широкой улыбкой.

— Поздравляю всех учеников, особенно наших выпускников. Мне тоже не терпится узнать, какое будущее вас ждет.

Толпа опять радуется, мои губы автоматически растягиваются, хотя в горле клокочат слезы разочарования. Я много лет готовилась к этому дню, и что же? Всем моим мечтам, самому моему будущему пришел бесславный конец. Как я ни старалась, добиться, чтобы меня отобрали для Испытания, не удалось.

Я схожу со сцены и принимаю поздравления и объятия друзей с одной-единственной мыслью: «Как мне теперь быть?»

— Прячешься?

Голос брата заставляет меня вздрогнуть. Он смотрит на меня сочувственно, и я отказываюсь от намерения отрицать очевидное. Я просто пожимаю плечами.

— После такого сумасшедшего денька захотелось немного отдышаться.

Гитары, барабаны, несколько рожков играют перед пекарней, десятки людей танцуют и хлопают в ладоши в такт мелодии. На другой стороне площади продолжают нарезать и раздавать жареное мясо. Почти вся площадь залита светом электрических фонарей и факелов, люди хохочут, распевают песни, играют в веселые шумные игры. Но я ушла в тень, куда не достает свет. Несколько часов я делала то, чего от меня ждали, — плясала и пела. Иначе бы все увидели, что я разочарована, и поняли, что я гордячка, воображающая, что достойна попасть в число избранных.

— Держи. — Зин с понимающим кивком протягивает мне кружку. — Это пойдет тебе на пользу.

Я тяну сладкий напиток с резким, горьким привкусом. Крепкий! Почти все плоды и зерно, из которых можно получать спирт, нужны для пропитания жителей Пяти Озер, поэтому на спиртное идет совсем небольшое их количество. Спиртные напитки берегут для особых случаев. Выпускной вечер — как раз из таких. Употреблять их позволено только взрослым, но братья и раньше разрешали мне пробовать запретное питье. Мне не нравится вкус, поэтому, сделав пару маленьких глотков, я возвращаю Зину кружку.

— Тебе лучше, сестренка?

Я опускаю глаза, чтобы избежать его взгляда:

— Вообще-то, нет.

— Ясное дело... — Он приваливается спиной к толстому дубу и осушает кружку одним глотком. — Не всегда все складывается так, как мы надеемся. Выше голову! Ищи другие пути.

Его тон заставляет меня задуматься, не станет ли искать другие пути он сам. Последние пару лет Зин примеривался к вариантам за пределами Пяти Озер. Мне очень не хочется, чтобы он нас покинул. Зная, что он уходит с обидой, я бы не находила себе места.

Он угадывает мои мысли, крепко сжимает пальцами кружку и тихо отвечает на невысказанный вопрос:

— Я не шлю свое резюме в Тозу-Сити. Магистрат попросила отца изменить его сегодняшнее выступление, и он послушался. Ты меня знаешь: я повозмущаюсь несколько дней и смирюсь.

Он пожимает плечами и переводит взгляд на веселую толпу на площади. Уже поздно. Некоторые будут петь и плясать до утра, но большинство уже расходятся по домам. Праздник выпуска завершается.

Помолчав несколько минут, Зин произносит:

— А вот ты могла бы...

— Ты о чем?

— Поговори с магистратом. Отправь в Тозу свою заявку.

Какая пугающая и одновременно соблазнительная мысль! Любой колонист, желающий работать в Тозу-Сити или в другой колонии, вправе написать запрос и отправить его через канцелярию магистрата. При наличии соответствующих запросу предложений правительство

Соединенного Содружества обязано с ним связаться. Но за мои шестнадцать лет только двое обратившихся таким способом добились успеха — получили предложения работы. После сегодняшнего разочарования я не уверена, что готова к переменам.

Неуверенность отчетливо проступает, наверное, на моем лице, потому что Зин кладет руку мне на плечи и легонько меня обнимает.

— Не бойся, сестренка. У тебя достаточно времени, чтобы решить, как поступить со своей жизнью.

Жаль, что мама иного мнения.

Назавтра все мы спим допоздна. Я еще не успела одеться, а мама уже торопится с предложением:

— Если ты твердо решила не работать с отцом, то подумай о бригаде Кипа Драйстена, там есть свободное место. Поговори с ним, пока место не занял кто-то из других выпускников.

Бригада Кипа Драйстена ремонтирует сельскохозяйственное оборудование. Мне нравится возиться с механизмами, но мысль о том, чтобы до конца жизни чинить сломавшиеся трактора, нагоняет на меня тоску.

Я обещаю подумать.

Мама многозначительно хмурится, поэтому я волей-неволей сажусь на велосипед и медленно еду на поиски Драйстена.

Драйстены живут в симпатичном домике на другом краю колонии. Я стучу в дверь в сильном волнении и не могу скрыть облегчения, когда жена Драйстена сообщает, что Кип рано утром уехал на ферму Эндресса и будет отсутствовать несколько дней. Мне выпала отсрочка.

День после выпуска обычно выходной. Большинство лавок закрыто, семьи продолжают празднование дома. Мама устраивает званый ужин, на который пригласила нескольких моих подруг, и мне бы лучше вернуться домой и помочь ей. Но вместо этого я, доехав до центра, слезаю с велосипеда.

Прислонив велосипед к дереву, сажусь у фонтана. Несколько человек приветственно машут мне на ходу, но не останавливаются, чтобы поболтать. Мне тоже болтовня ни к чему. Подперев кулаками подбородок, я смотрю на бурлящую в фонтане воду, стараясь не обращать внимания на пустоту, образовавшуюся у меня внутри после вчерашней церемонии. Вот я и взрослая. В детстве, глядя на родителей и на других взрослых, я мечтала о том дне, когда сравняюсь с ними, стану такой же, как они, — уверенной и сильной. Этот день настал, но никогда еще я не испытывала такой неуверенности!

Часы на доме магистрата бьют три раза. Пора домой, в три часа мама наверняка начнет за меня беспокоиться. На полпути я вижу своего брата Харта, спешащего мне навстречу. Ну и дела! Если мама послала его за мной, то мне не поздоровится.

Но меня разыскивает не она.

— Как только ты ушла, магистрат Оуэнс прислала отцу радиogramму. Тебе надо явиться к ней ровно в четыре для обсуждения планов на будущее. Ты долго не возвращалась, вот мать и разослала нас в разные стороны, чтобы тебя отыскать. Лучше поспеши, — заканчивает Харт с усмешкой, — иначе опоздаешь.

Он прав. Я возвращаюсь на площадь вся в поту, растрепанная и перепуганная. Отца и братьев уже вызывали к магистрату для обсуждения их проектов, а со мной это в первый раз. Мои планы на будущее? Не могу отделаться от подозрения, что этот вызов связан с

беспокойством матери. Вдруг это она обратилась к магистрату и попросила ее помочь? Или моя бесперспективность всем бросается в глаза? От мысли, что мое разочарование заметили не только родные, мне делается очень стыдно.

Готовясь выслушать строгую отповедь, я кое-как приглаживаю волосы, поправляю белую блузку с короткими рукавами и серые брюки, а потом стучусь в дверь магистрата.

— Молодец, вовремя. — Магистрат Оуэнс улыбается одними губами, глаза сохраняют суровость. — Входи, Сия. Все остальные уже собрались.

Все остальные?

Магистрат Оуэнс ведет меня в просторную, устланную коврами гостиную, где нас ждут четверо. Трех я знаю: сероглазый красавчик Томас Эндресс, робкий, но милый Малахия Рурк, красотка-художница Зандри Хикс. Они мои недавние одноклассники, я знакома с ними почти всю жизнь. А вот четвертый мне неизвестен.

Томас жестом приглашает меня сесть с ним рядом, от улыбки у него на лице появляются ямочки, на эту улыбку невозможно не ответить такой же или хотя бы постараться.

Магистрат Оуэнс пересекает комнату, останавливается перед незнакомцем и говорит:

— Спасибо, что так быстро примчались на зов. Простите, что оторвала вас от семейных торжеств, но иначе было нельзя. — Она обводит нас взглядом. — Это чиновник из Тозу-Сити Майкл Галлен. Он собирался присутствовать на вчерашнем выпуске, но опоздал по независящим от него причинам.

Тозу-Сити!

Я обмираю, глядя, как чиновник Галлен встает и вынимает из кармана свернутый лист бумаги. Он старше нас, но ненамного, примерно ровесник Зина. Косматый долговязый шатен, да еще неуклюжий — совсем не похож на важную столичную шишку!

Его темные глаза смотрят серьезно. Он начинает зачитывать по своей бумаге:

— Каждый год Соединенное Содружество изучает достижения выпускников всех восемнадцати колоний. Лучшие среди всех выпускников приглашаются в Тозу-Сити на Испытание для зачисления в Университет. Попасть в число отобранных — большая честь. Выпускники Университета — наша величайшая надежда, от них все мы ждем помощи в возрождении Земли и в улучшении качества нашей жизни. Они — будущие ученые, врачи, преподаватели, управленцы. — Опустив бумагу, он улыбается нам. — Вы — четверка, отобранная для участия в Испытании.

Я не могу скрыть радостного волнения. Оглядываюсь, чтобы убедиться, что не ослышалась. Томас улыбается до ушей. Он в нашем классе самый умный — неудивительно, что на него пал выбор. Если верить этому чиновнику из Тозу, я тоже избраница. Нас таких четверо. Это правда! Мне не придется возиться с тракторами. Меня выбрали для Испытания. Я победила!

— Вы уезжаете на Испытание завтра.

Я уже не сияю, слова чиновника из Тозу-Сити возвращают меня с седьмого неба на землю. Завтра отъезд?!

— Почему так скоро? — удивляется магистрат Оуэнс. — Раньше, помнится, между отбором и самим Испытанием проходило больше времени.

— С тех пор как ваша колония в последний раз отправляла своего кандидата на Испытание, многое изменилось, — объясняет чиновник, не скрывая нетерпения. — Кандидаты приступают к процессу Испытания на этой неделе. Думаю, вы согласитесь, что у них будет больше шансов пройти его, если они придут вовремя.

— А если мы откажемся?

Все оборачиваются к Зандри. Лицо у нее почти такое же алое, как одежда. Сначала я думаю, что это от смущения, но потом она вскидывает голову, сверкает голубыми глазами, и я понимаю, что она злится. То, что для Испытания отобрали сразу четверых, невероятно, но еще удивительнее то, что в четверку вошла Зандри. Не хочу сказать, что она глупа, вовсе нет, но многие согласились бы, что главное для нее — увлечение живописью, а потом уже школьная успеваемость. Во время учебы она преуспела разве что в создании новых красок. Но, хотя она никогда не проявляла желаний продолжать образование, ее вопрос меня удивил. Кому придет в голову отвергнуть такую честь — быть отобранным для Испытания?

Чиновник из Тозу-Сити улыбается, и я ежусь: в улыбке нет ни малейшего тепла.

— У тебя нет выбора. Закон гласит, что всякий гражданин Соединенного Содружества, прошедший отбор, должен явиться на Испытание, иначе он или она подвергнется наказанию.

— Какому наказанию? — Зандри косится на магистрата Оуэнс, та — на приезжего чиновника. Отвечает магистрат:

— По закону неявка на Испытание равносильна измене.

А измена чаще всего карается смертью.

Кто-то — возможно, Малахия — шепчет себе под нос слова возмущения. У меня такое ощущение, будто мне заломили руки за спину. Вся радость от того, что меня выбрали, прошла, сменившись ледяным страхом. Хотя чего бояться? Я ведь хочу пройти Испытание. Мне наказание не грозит.

Как, впрочем, и троим моим одноклассникам. При слове «измена» Зандри забывает о недавней воинственности.

Видя, как мы потрясены, магистрат Оуэнс объясняет, что закон о наказании за отказ от участия в Испытании был принят еще на заре существования Соединенного Содружества. Не признававшие никаких законов группировки пытались свергнуть правительство и уговаривали кандидатов на Испытание взбунтоваться. Говорят, закон могут изменить, но это требует определенного времени.

Я чувствую некоторое облегчение, понимая, что закон не применяется уже много десятилетий, угасшее было радостное возбуждение понемногу возвращается. Магистрат объясняет, что нам брать с собой. Кандидатам на Испытание разрешено взять две смены повседневной одежды, две смены нижнего белья, одну пижаму, две пары обуви, два личных предмета. Книги и любые бумаги под запретом, как и все прочее, способное обеспечить одному кандидату преимущество перед другим. Все надо уложить в рюкзаки, которые мы получим при выходе отсюда. Сбор на площади завтра на рассвете, с собранными рюкзаками. Чиновник из Тозу-Сити Майкл Галлен отвезет нас в Испытательный центр.

Потом магистрат говорит, что гордится нашими достижениями и что мы обязательно пройдем Испытание. Я знаю, что она кривит душой. Моя мать улыбается так же безоблачно и так же неискренне, когда огорчена. Магистрат Оуэнс не очень-то верит в наш успех. Может, боится, что наша неудача повредит колонии Пять Озер?

Я продолжаю ломать над этим голову, когда нас ведут к выходу.

Двери распахиваются, нас встречает яркий солнечный свет. Я последней в четверке беру у магистрата Оуэнс темно-коричневый рюкзак с красно-пурпурной эмблемой Соединенного Содружества. Перебрасывая через плечо широкую лямку, я вспоминаю о званом ужине, который так тщательно готовила моя мама: его придется сделать совсем коротким, иначе я не успею собраться и подготовиться к завтрашнему дню — что бы он ни сулил.

Когда я выхожу на площадь, Зандри уже исчезла, но Томас и Малахия не спешат уходить. Мы смотрим друг на друга, не зная, что сказать. Томас первый, к кому возвращается дар речи, что неудивительно. Со своей широкой улыбкой, от которой замирает сердце, он смотрит мне в глаза и произносит:

— Наверное, нам пора по домам. Завтра важный день.

Знаю, он прав. Пора поторопиться, чтобы сообщить родным, что утром я покину отчий дом и уже не вернусь.

Я открываю дверь, и меня встречает хохот моего семейства. На дальней стене красуется приветственный плакат. Кухонный стол заставлен тарелками с хлебом, мясом, сладостями — праздничным угощением в честь моего выпуска. Теперь это также и проводы.

— Вот и она! — кричит Зин при виде меня. — Говорил вам, на свой праздник она не опоздает! Тем более на пирог с корицей!

Отец оборачивается с улыбкой. Но, увидев у меня на плече пустой рюкзак, он становится серьезным. В его глазах появляются понимание и грусть.

— Тебя выбрали для Испытания!

Смех мигом стихает, улыбки гаснут, все взоры обращены на меня. От меня ждут подтверждения. Как ни обрадовало меня избрание, горло перехватывает рыданием. Я обреченно киваю. Выпускники Университета отправляются туда, куда их пошлет Соединенное Содружество, туда, где больше всего требуются их знания и мастерство. Если я успешно пройду Испытание, то мои шансы вернуться домой практически нулевые.

Первыми приходят в себя близнецы. Не успеваю я опомниться, как оба стискивают меня в объятиях (у нас это называется «гамбургер») и наперебой орут слова поздравления. Следующим меня обнимает Хеймин — менее бурно, но не менее искренне. Потом наступает мамина очередь. Когда она обнимает меня, у нее дрожат руки, зато на губах улыбка гордости. Она спрашивает, что мне можно взять с собой и когда отъезд. У меня почти нет времени, чтобы ответить, и я не замечаю, как Зин выскальзывается из комнаты. В следующий момент раздается стук в дверь — это пришли мои подруги.

Как я рада их видеть, особенно Дейлин! Возможность проститься с каждой — настоящее счастье. Мой рассказ об Испытании и об остальных избранных сопровождается их счастливыми криками и слезами. Больше всех радуется и одновременно горюет Дейлин. Она пытается замаскировать свою печаль широкой улыбкой, но я замечаю, что на протяжении вечера она то и дело отходит в тень, подальше от меня и от остальных, которых всегда считала моими подругами, а не своими. Мне за нее страшно. Моим родным будет меня, конечно, не хватать, но все-таки они остаются вместе. А у Дейлин теперь вообще никого нет.

Поэтому когда мама сообщает собравшимся, что вечеринка подошла к концу, первая, с кем я спешу проститься, — это Лайен Мэддоуз. Она не визжит от восторга и не ищет моего внимания, а просто тихо стоит у двери, дожидаясь моих братьев, которые проводят девочек домой. Мы с Лайен не очень близкие подруги. Всегда здороваемся, завидя друг дружку, но редко вместе обедаем или болтаем после уроков. Но нас кое-что связывает, потому я ее и пригласила. Знаю, что она помнит это «кое-что». Надеюсь, эта память означает, что я могу рассчитывать на ее помощь.

Девчонки визжат и громко болтают у меня за спиной, а я обнимаю Лайен. Она готова отпрянуть от удивления, но сдерживается. Я шепчу ей на ухо:

— После моего отъезда Дейлин будет нуждаться в подруге. Можешь за ней приглядеть? Постарайся, чтобы ей не было одиноко. Пожалуйста!

Лайен отвечает мне объятием. Я буквально чувствую, как она взвешивает мою просьбу. Ее ответ еле слышен, но я от облегчения и от признательности близка к слезам. Дейлин не останется одна.

Лайен уходит, не оглянувшись, а я прощаюсь с остальными. Дейлин неторопится, она уйдет последней. Мне видно, как она борется со слезами, когда обещает присоединиться ко мне в Тозу-Сити на следующий год.

— Я постараюсь учиться как никогда раньше. У них не будет лучших вариантов, придется выбрать меня.

Только голос Лайен, позвавшей ее снаружи («Дейлин, ты идешь?»), не позволяет моему сердцу разорваться, когда моя лучшая подруга скрывается из виду. Лайен понимает опасность темноты и одиночества. Четыре года назад я не позволила темноте проглотить ее, случайно увидев, как она, стоя на краю глубокого оврага за колонией, готовится прыгнуть вниз. Я отвлекла ее разговором. Про ее отца, работающего на правительство в Тозу-Сити, про мать, ненавидящую жизнь в Пяти Озерах и вымещающую на дочери разочарование и злость. Насколько я знаю, Лайен никому, кроме меня, не показывала шрамы, оставшиеся у нее от нанесенных матерью побоев. Мой отец и магистрат колонии постарались, чтобы мать Лайен уехала к ее отцу в столицу, а Лайен взяла к себе другая семья в нашей колонии, и у девочки опять появились причины улыбаться. Очень надеюсь, что теперь Лайен поделится улыбкой с Дейлин.

После ухода братьев, отправившихся провожать моих подруг, дом кажется непривычно просторным. Я помогаю родителям вымыть посуду и навести порядок в главной комнате. Наш нынешний дом достаточно велик. Кроме гостиной у нас есть еще две комнаты. Та, что справа, принадлежит родителям, та, что слева, — братьям и мне, хотя Зин и Хеймин — такие храпуны, что я перешла спать в гостиную, где наваливаю перед камином одеяла. Сейчас я улыбаюсь. Отъезд в Тозу-Сити на Испытание означает, что я снова смогу спать в нормальной постели.

Пока мы работаем, мама болтает о том, что даст мне с собой и как мне следует вести себя в городе. Много раз она прерывает свою работу и заливается слезами: все-таки я — первый ее ребенок, покидающий дом. Отец в такие моменты помалкивает, хотя я вижу, что ему есть что сказать.

После того как вся посуда вымыта и убрана, отец говорит мне:

— Не хочешь пройтись?

Мама готова что-то возразить, но он говорит:

— Знаю, Сие надо собираться, но, когда мальчики вернутся, начнется кавардак. Я хочу провести с дочерью несколько спокойных минут.

Мама всхлипывает, у меня сжимается сердце, и я ныряю с отцом в темноту.

Он берет меня за руку, и мы бредем вокруг дома, направляясь в сад. Над нами появляются луна и звезды. Они еле видны. Говорят, когда-то небо было чистым и в безоблачную ночь звезды сияли, как алмазы. Может, так и было, но мне трудно это представить.

За домом отец нажимает на рычаг электропитания. Сначала раздается гул, потом двор один за другим озаряют огни, освещающие наши розы, маргаритки, огород за домом. Растительностью занимаются отец и братья, а свет — моя работа. В колонии строгие правила экономии энергии, в нашем районе электричества вырабатывается мало. Большая часть жилищ обходятся вовсе без электричества, если жители не умудряются вырабатывать его самостоятельно. Делать это пытаются немногие, людям вполне хватает свечей и костров. Несколько лет назад я решила принять вызов и уговорила отца позволить мне поэкспериментировать с лишними оросительными трубами, с остатками медной оплетки и

проводки. У мамы я выпросила стеклянные банки, немного соли (у нас она на вес золота) и разного другого барахла и приступила к работе. Результат — гирлянда из пятнадцати ламп, питаемых энергией от моих солнечных панелей, накапливаемой за день. Теперь я сумела бы создать гораздо более совершенную систему, но отец настаивает, чтобы мы пользовались этой. Моя разработка освещает уже третий по счету двор, и я гадаю, как скоро мы переселимся в очередной раз. Но быстро вспоминаю, что, когда придет время переселяться, меня здесь уже не будет, придется семье обойтись без меня.

Папа усаживает меня на дубовую скамью — подарок Хеймина маме на день рождения — и садится рядом. Я жду, что он скажет.

От стрекота кузнечиков впору оглохнуть, ветви у нас над головой шелестят на ветру. Издалека, оттуда, где уже сгустилась тень, доносится вой волков, другое ночное зверье тоже начинает подавать голоса.

Мне кажется, что проходит целая вечность, прежде чем папа берет и крепко сжимает мою руку. Когда он начинает говорить, мне приходится наклониться, чтобы расслышать его слова.

— Кое о чем я тебе никогда не рассказывал. Надеялся, что уже не придется. Даже теперь не уверен, что это необходимо...

Я выпрямляю спину, готовясь к неизвестности:

— Это связано с Испытанием?

Отец никогда не рассказывал о том, как сам проходил Испытание и как учился и жил в Университете, несмотря на то, что я засыпала его вопросами. Я чувствую, как крепнет близость между нами: скоро у нас с ним появится общий опыт. Но новое ощущение длится всего минуту.

— Жаль, что тебя выбрали.

Эти слова звучат как пощечина. Я пытаюсь выдернуть руку, но он не отпускает меня. Его взгляд устремлен в темноту, но выражение лица свидетельствует о том, что он ничего не видит. Я догадываюсь, что он напуган, и сразу забываю свою обиду. Папа пытается поймать мой взгляд, и мне становится тревожно.

— Мои родители и я сам мечтали, чтобы меня отобрали для Испытания. Наша семья едва сводила концы с концами. Омаха была одной из самых многочисленных колоний Содружества. Людей многовато, ресурсов в обрез. Еды на всех не хватало. Бывали даже случаи смерти от недоедания. Мои родители верили, что я смогу помочь в решении проблем, в восстановлении нарушившегося баланса. А я хотел, чтобы они получили от правительства деньги, выплачиваемые семьям кандидатов на Испытание, компенсацию за выбывшие рабочие руки. Отчасти я разделял веру своих родителей, тоже верил, что смогу помочь, и хотел попытаться.

Для меня это новость — что правительство платит компенсацию семьям кандидатов. Мне хочется спросить, компенсируют ли ему и маме деньгами мой отъезд, но отец не умолкает, и я оставляю свой вопрос на потом.

— Тогда колоний насчитывалось всего четырнадцать. В Испытательном центре нас собралось семьдесят один человек. Испытание длилось четыре недели, но я не могу вспомнить ни одного дня. Шестнадцать из нас отобрали для следующего этапа. Глава Испытательного комитета говорил, что все, касающееся Испытания, стирается из памяти после завершения процесса для обеспечения конфиденциальности.

— И ты не сможешь мне сказать, что представляли собой сами экзамены? — Я не могу

скрыть горького разочарования. Я-то надеялась, что отцовский опыт поможет мне подготовиться, обеспечит хоть какое-то преимущество! Наверное, именно это и стремилось предотвратить правительство Содружества, лишив отца памяти об Испытании.

— Я помню, как приехал в Испытательный центр, как познакомился со своим соседом по комнате, Джоффом Биллингсом, как мы пили за наше блестящее будущее, чокаясь кружками с молоком и закусывая пирожными. Еды было вволю, все были переполнены радостным ожиданием. В первую ночь мало кто смог уснуть: все знали, что назавтра мечтам может прийти конец, если мы не справимся с экзаменами. Следующее воспоминание — уже комната со стульями, где нам сообщили, что Испытание завершено. Спустя три недели я стал посещать занятия в Университете. Джофф не прошел, две девушки из нашей колонии, приехавшие вместе со мной, тоже.

Из темноты доносится крик совы, но папе не до нее.

— Университет был вызовом. Мне нравилось учиться, нравилось сознавать, что я делаю что-то важное. Родители сумели сообщить мне, что у них все в порядке и что они мной гордятся. Я был счастлив и не вспоминал про Джоффа и других кандидатов, не справившихся с Испытанием...

Он закрывает глаза. Я молча сижу с ним рядом, пытаюсь представить, каково это — забыть своих друзей. Помнить только день знакомства с Дейлин, но не наш смех, не совместные приключения... От одной мысли об этом на глаза наворачиваются слезы, и я переплетаю пальцы с папиными, чтобы нам обоим стало лучше.

— После выпуска я отправился в колонию Ленокс. Тамошний ботаник был близок к важному прорыву, и в Содружестве решили, что ему будут полезны мои идеи. Проработав год, я повстречал парня, напомнившего мне Джоффа. Той ночью мне стали сниться сны. Я просыпался в поту, с бешено колотящимся сердцем — сам не зная отчего. Ни одна ночь без этого не обходилась. Начала страдать моя работа, и правительственные медики прописали мне пилюли для улучшения сна. Но сны от пилюль не прекратились, стало лишь труднее их избегать. Теперь я помнил свои ночные сны днем. Сначала это были обрывки, вспышки: Джофф показывает мне большой палец в белой комнате с черными столами. Большие часы с красными цифрами, отсчитывающие время, пока я вожусь с тремя цветными проводками. Девичий крик...

Папа выпускает мою руку и встает. Когда он, пригладив волосы, начинает расхаживать взад-вперед, мне делается страшно.

— Потом редкие вспышки сменились одним и тем же повторяющимся сном: Джофф, девушка по имени Мина и я идем по улице вдоль железных остовов сгоревших зданий. Улица усыпана осколками стекла. Мы ищем воду и ночлег. Здания в таком ужасном состоянии, что мы опасаемся использовать их в качестве убежища, хотя, возможно, нам придется поступить так из-за хищников, которых мы видели ночью. Мина хромает. Я нахожу ветку и предлагаю сделать для нее посох. Пока я занят выстругиванием посоха, Джофф производит разведку квартала. Мина просит его не уходить далеко, он обещает, что будет рядом. Через несколько минут он кричит, что нашел что-то. А потом мир взрывается.

Папа переводит дух. У меня громко колотится сердце. Папин голос делается так тих, что я наклоняюсь, прислушиваясь.

— Сначала я нахожу Мину: она наполовину завалена обломками бетона, по лицу течет кровь.

Папа судорожно сглатывает, ему трудно дышать, он сжимает и разжимает кулаки. Я

вижу, ему хочется замолчать, мне тоже хочется, чтобы он перестал. Все стало слишком наглядно, я уже вижу кровь, чувствую папин страх.

— Футы в десяти от тела Мины я нахожу ботинок Джоффа. Проходит не меньше минуты, прежде чем я понимаю, что в ботинке осталась его нога, и начинаю кричать. На этом сон обрывается.

Ночь на мгновение становится безмолвной. Не слышно ни сов, ни стрекотания насекомых. Я вижу только разорванного на куски парня, почти моего ровесника, на безлюдной улице.

— Это был всего лишь сон! — Папа всегда мне это твердил, если мне снился кошмар. Я ему верила. И сейчас хочу поверить.

— Может быть... — Папа поднимает на меня глаза, и я вижу в них такое затравленное отчаяние, что перестаю дышать. — Год за годом я убеждал себя, что это был только сон, утешался тем, что совершенно не помню эту девушку по имени Мина. Тем временем наши эксперименты давали потрясающие результаты. Новые культуры, в выведении которых я участвовал, принесли отличный урожай. Про свои сны я никогда никому не рассказывал. Потом Содружество направило меня работать в Пять Озер. Как же я был зол! Я воспринял этот перевод как оскорбление. Прибыв сюда, я сначала даже не имел собственного дома и был вынужден ночевать в гостинице у Флинта Карро.

Эта часть истории мне знакома. Обычно он с улыбкой рассказывает, как подружился с врачом колонии, как Флинт затащил его к портному, как он увидел за ткацким станком мою маму, как она была изящна, как бесконечно добра и как он в нее влюбился...

Но на сей раз речь совсем не об этом, и папа совершенно не улыбается.

— Дом у Флинта крошечный. Где мне было спрятаться с моими кошмарами? Флинт деликатно выждал неделю, а потом спросил, что со мной. Я попробовал отмахнуться, и тогда он поведал мне о собственных кошмарах. Не таких страшных, но все равно пугающих. Лица людей, которых он не помнил. Ожидание, когда друзья вернутся с экзамена, — только они не возвращались. Весь следующий год мы с Флинтом беседовали с другими выпускниками Университета — нас тогда было семеро. Приходилось соблюдать осторожность, потому что каждый служащий Содружества поддерживает контакт с чиновниками в Тозу-Сити. Нам не хотелось ставить под угрозу нашу работу. Уверен, что четверо из нас знать не знали, что такое проснуться ночью в ужасе, зато пятая, директор школы, имела испуганный вид, так мне знакомый. Она отрицала, что ей снятся кошмары, но это неправда.

— Ты не знаешь наверняка. — Я встаю и складываю руки на груди, ожидая, чтобы он со мной согласился. Его согласие мне необходимо.

Наши взгляды встречаются.

— Нет. Вот только за время ее руководства школой в Пяти Озерах ни один здешний выпускник не был отобран для Испытания. Я не верю, что это совпадение. А ты?

Меня бьет дрожь. Я уже не знаю, чему верить. Согласиться, что отцовские сны — это не просто сны, невысказанно. Завтра я уезжаю в Тозу-Сити. В конце недели начнется Испытание. Отказаться от него означает совершить измену со всеми вытекающими последствиями. Мне хочется вопить в голос, но вместо этого я просто стою и дрожу.

Папа обнимает меня и опять усаживает на скамейку. Я кладу голову ему на плечо, как когда-то в детстве. Возникает чувство безопасности — жаль, ненадолго.

— По словам Флинта, сны появляются из-за того процесса, при помощи которого нам стерли воспоминания. Возможно, наш разум создает лжевоспоминания вместо тех, которые

у нас отняли.

— Ты ведь с этим не согласен?

Он качает головой:

— Я испытывал облегчение, когда на выпуск твоих братьев не приезжали чиновники из Тозу, забирающие молодежь на Испытание. Вчера я расстроил твоего брата, не упомянув в своем выступлении его заслуг, потому что магистрату сообщили, что к нам едет чиновник из Тозу. Мне не хотелось расспросов, отбирали ли наших выпускников раньше и не следует ли повторно оценить выпускников прошлых лет.

Он прижимает меня к себе и упирается подбородком в мою макушку. Мне на щеку падает слеза — не моя. Мой отец — всегда такой сильный, находчивый, уверенный в себе — плачет!

— Что же теперь? — Я выворачиваюсь из его объятий и сердито вскакиваю. Сержусь я потому, что он никогда не говорил мне ничего подобного раньше. Сколько раз, когда я допоздна засиживалась за уроками, чтобы успешно пройти тот или иной тест, у него был случай предупредить меня о возможных последствиях, тем не менее он этого не сделал.

— Утром я уеду. Зачем же ты рассказал мне все это теперь? Какой от этого толк?

Папа не повышает голос в ответ на мой крик:

— Наверное, никакого. Возможно, Флинт прав, и наши сны — всего лишь галлюцинации. Но, если имеется хотя бы малая вероятность, что это не так, тебе лучше быть в курсе. Лучше приехать в Тозу готовой критически отнестись к тому, что ты там увидишь, к тем, кого встретишь. Вдруг это и есть разница между успехом и неудачей?

Он опять подходит ко мне и кладет руки мне на плечи. Мне хочется отпрянуть, но я вижу, как свет моих лампочек отражается в слезах, навернувшихся у него на глаза, и желание сопротивляться мигом пропадает.

— Мама знает? — Думаю, ей следовало бы знать, но сейчас я ни в чем не уверена.

— Да — о стертой памяти и о моих ночных кошмарах, но не об их содержании.

Я обдумываю эти слова, пытаюсь определить, правдивы ли они.

— Значит, поэтому мама и не хотела, чтобы меня выбрали?

Папа кладет ладонь мне на лицо, проводит большим пальцем по моей щеке.

— Сия, со дня отъезда на Испытание я не видел своих родителей. Когда на твоего ребенка падает выбор, это честь, но одновременно и потеря. Твоя мама не хотела тебя терять.

Не знаю, как долго мы сидим молча. Достаточно долго, чтобы услышать голоса вернувшихся братьев и голос матери, отчитывающей их за похищение сладостей. Какие привычные звуки!

Когда у меня высыхают слезы, папа берет меня за руку и ведет обратно в дом. Мы не упоминаем ни его снов, ни моих новых страхов. Хеймин подтрунивает над близнецами, вспоминая, как с ними заигрывали мои подруги. Мама ставит на стол сладкий мятный чай и блюдо с маленькими пирожными, братья достают колоду карт для последней семейной партии в полном составе. Меня радуют смех и семейное тепло за столом, но мне сильно недостает Зина, который еще не вернулся. Я то и дело озираюсь на дверь. Я люблю всех моих братьев, но, когда у меня возникает проблема, требующая обсуждения, обращаюсь к Зину. У него всегда хватает на меня терпения, к тому же он видит меня насквозь. От его вопросов и вообще от любого разговора с ним мне всегда становится легче. Сегодня у меня проблема, да еще какая, — но Зина нет.

После карт мама ласково напоминает мне, что уже поздно и что впереди непростой день. Я прошу меня извинить, забираю рюкзак Содружества и ухожу в спальню, которую делю с братьями.

Зная, что, возможно, вижу эту комнату в последний раз, я смотрю на нее свежим взглядом. Напротив двери теплится камин. Середина комнаты застелена вытертым бурым ковром. По сторонам ковра стоят две двухэтажные койки. Моя койка — нижняя, она ближе к теплу, только она аккуратно застелена. Когда братья оканчивали школу, мать предупреждала их, что теперь они взрослые и должны самостоятельно стелить свои постели. Но они решили, что уже достаточно взрослые, чтобы самим решить, в каких постелях спать...

У каждого из нас есть деревянный шкафчик для повседневной одежды и обуви. Одежда для особых случаев хранится в большом угловом гардеробе. Мама не устает напоминать о важности первого впечатления. Я, прикусив нижнюю губу, раздумываю, на какой одежде остановиться. Одевшись не так, как всегда, легче почувствовать уверенность в себе. Но сейчас у меня в голове звучит и отцовский голос, и я представляю улицы брошенного города, по которым он брел в своем сне. Оба моих платья мне там не помогут. Даже если эти сны не имеют отношения к реальности, я в глубине души знаю, что, после того как начнется Испытание, от нарядной надежды не будет проку.

Махнув рукой на наряды, я подхожу к шкафчику, верой и правдой служившему мне с детства, и выбираю две пары прочных удобных брюк, две прочные рубашки, самые удобные башмаки. Все это раньше принадлежало моим братьям. Эти вещи помогут мне перенести одиночество, которое я уже чувствую. Я забираю пижаму и нижнее белье и аккуратно складываю все вещи в рюкзак. Места для двух личных предметов, которые мне разрешено взять с собой, еще полно.

Сидя на краю своей кровати, я разглядываю комнату. Если бы отец не рассказал мне о своих снах, я бы взяла свою флейту или серебряное ожерелье — мамин подарок на шестнадцатилетие. Вместо этого я размышляю, что может пригодиться, если Испытание окажется не просто серией письменных экзаменов.

Через несколько минут я встаю и достаю из шкафчика карманный охотничий нож. По такому же есть у всех моих братьев, это подарки отца. В складном ноже имеется отвертка и много полезных шгук. С одним личным предметом определилась, теперь — второй. В голову приходит только одна мысль насчет того, что могло бы пригодиться, но это не мое, а Зина, у которого следовало бы попросить разрешения, нет рядом.

В прошлом году отец стал разрешать Зину проводить эксперименты по его собственным проектам. Некоторые из этих проектов заставляли Зина выходить за периметр колонии. Границы были проведены не столько для того, чтобы к нам не проникали люди и звери со стороны, сколько как напоминание жителям Пяти Озер, что земли вокруг могут таить опасности. Во время трех последних стадий войны мощные землетрясения изменили структуру земли. Одинокий путник, провалившийся в появившуюся в результате землетрясения трещину, может погибнуть, сломав шею, замерзнуть, обгореть, умереть от голода. Во избежание этого отец снабдил Зина маленьким переносным приемником-передатчиком, предоставленным властями Содружества. Прибор оснащен компасом, калькулятором и системой связи, позволяющей в случае чего связаться с аналогичным устройством в отцовском кабинете. Не знаю, как он работает, но уверена, что при необходимости легко разберусь.

Когда Зин не работает за пределами колонии, он оставляет устройство на полке рядом

со своей кроватью. Вот она, на обычном месте. Мои пальцы хватают прибор, и у меня сжимается сердце. Я бы предпочла, чтобы Зин был дома и сам разрешил мне его забрать, чтобы сказал мне, что прощает за то, что меня выбрали, а его нет. Мне хочется объяснить Зину, что наш отец, делая вчера свое сообщение о картофеле, пытался его защитить, что им руководило не взывавшее честолюбие, а отцовская любовь.

Для сохранности я заворачиваю прибор в носки и опускаю в рюкзак, надеюсь, что Зин вернется до моего отъезда и что я успею сознаться, что захватила в Тозу кусочек от него. Правда, я знаю, что этого не произойдет. Зин — самый головастый из моих братьев, но притом и самый эмоциональный. Уин, Харт и Хеймин — добрые и любящие, но относятся ко всему несколько пренебрежительно, огорчая этим маму. Зато Зин — пламенная, страстная натура. Он легко вспыхивает, но его любовь не знает преград. Потеря любимого человека для него почти невыносима. Когда умер наш дедушка, он промолчал целый месяц.

Сидя на кровати Зина, я пишу записку с объяснением, зачем мне понадобился его прибор, и с признанием в любви к нему. Надеюсь, это не прощание навечно, но уверена, что проститься с ним лично уже не получится.

Теперь, когда все собрано, меня охватывает паника. Завтра я расстанусь со всем тем, что знаю, и окажусь лицом к лицу с неведомым и потенциально опасным. Больше всего мне сейчас хочется залезть в постель и укрыться с головой. Вместо этого я затягиваю и застегиваю рюкзак, закидываю его на спину и возвращаюсь к родным, надеюсь насладиться последними часами в их обществе.

Мои братья еще спят у себя в комнате, когда отец будит меня. Я спала урывками и совершенно не выспалась. Я натягиваю коричневые рейтузы, надеваю легкую блузку с короткими рукавами и ботинки, хватаю рюкзак. Мама дает мне выпить стакан молока. Глаза у нее красные, но она больше не плачет, а говорит, что гордится мной. Я заставляю себя не повиснуть на ней при прощании. Мне стыдно за все те моменты, когда я злилась на нее за то, что она не одобряла мое стремление попасть в Университет. Теперь я понимаю, почему она так опасалась моего успеха. Но поздно что-либо менять.

Борясь со слезами, я выпиваю молоко, беру приготовленное мамой яблоко и обещаю написать, как только попаду в город. Отец ждет в дверях. Напоследок я обнимаю маму и выхожу в сырое утро. Еще не рассвело. Мы идем по той же тропе, что накануне. Только через милью отец нарушает молчание.

— Ты хоть немного отдохнула?

— Чуть-чуть. — Не знаю, можно ли назвать отдыхом просмотр тревожных сновидений.

— Скорее всего, Флинт прав: сны — это всего лишь сны.

— Надеюсь, да.

— Я тоже. — Мы поднимаемся на холм рука в руке. — Ты умница. И сильная. Верю, ты успешно сдашь любой экзамен. Главное, не позволяй другим кандидатам оказывать на тебя психологическое давление. Некоторые ребята из нашей колонии были мастера по этой части. Шли на что угодно, лишь бы оказаться первыми.

— Например? — интересуюсь я. В моем классе многие сидели над уроками ночами. Со мной самой такое тоже не раз бывало.

— В моем классе парочка девчонок не брезговали применять яд.

Я споткнулась:

— Яд?

— Не смертельную дозу, а просто чтобы человека мутило на контрольной. В выпускном классе я старался есть только то, что сам приносил из дому.

— Их наказали?

Папа грустно улыбается:

— Они были достаточно умны, чтобы не попадаться. А если бы их и поймали на месте преступления, то, скорее всего, они отделались бы устным порицанием. Трудно наказывать детей за старание спасти семью от бедности.

Следующие несколько миль мы преодолеваем молча: я обдумываю, что вытекает из отцовских слов. Я согласна, что доказательства реальности его снов отсутствуют. Но это... Не могу представить, чтобы хоть кто-то в школе колонии Пять Озер подверг опасности здоровье соученика ради лучшей оценки! Богатых среди нас нет, но голодающих я тоже не знаю. С голодом уже покончено. Если какому-то семейству в Пяти Озерах приходится туго, остальные считают своим долгом оказывать ему помощь. Мир, где можно пойти на отравление соперника ради того, чтобы прокормить семью, для меня немыслим.

Когда мы приближаемся к городской окраине, в небе уже сияют розовые и алые сполохи. Папа обнимает меня за плечи и прижимает к себе.

— Смотри, ешь как следует и не забывай про сон. Это поможет тебе сохранять силы и ясно мыслить.

Я отвечаю на знакомые слова согласным кивком.

Почти на вершине последнего холма он добавляет:

— Осторожнее, Сия, не будь слишком доверчивой. Это — залог успеха.

По-прежнему рука в руке мы выходим на площадь.

Перед домом магистрата стоит огромный черный сухопутный глоссер с гербом Содружества на борту. Томас, Малахия и их семьи сгрудились у хвоста. Малахия нарядился во все самое лучшее: глаженные брючки, надраенные черные туфли, пиджачок поверх рубашечки с воротником. Ослепительно белая рубашка Малахии резко контрастирует с его темной кожей и с понуро опущенными плечами. Видно, что он с трудом сдерживает слезы. Томас выбрал одежду примерно по тому же принципу, что и я: выцветшие серые штаны и белая футболка создают впечатление, будто он собирается поработать на отцовской ферме, а не отправляется в Тозу-Сити. На его красивом лице ничего не прочтешь, мать тщетно пытается привести в порядок его непослушные волосы.

Магистрат Оуэнс и чиновник из Тозу-Сити стоят у носа глоссера. Завидев меня и отца, они приветственно машут. Сегодня на Майкле Галлене облегающий лиловый комбинезон с таким же, как на глоссере, гербом Содружества. Густые волосы собраны на затылке в хвостик, отчего его лицо кажется угловатым.

Магистрат Оуэнс отводит моего отца в сторонку, оставив меня наедине с Галленом. Тот улыбается, и я с удивлением впервые вижу в его глубоких зеленых глазах подобие тепла.

— Нервничаешь перед путешествием, Маленсия?

Меня почему-то удивляет, что он помнит мое имя. Приятная неожиданность!

— Меня больше огорчает то, что я могу подвести колонию, недостаточно успешно выступив на Испытании, мистер Галлен.

— Зови меня Майклом, — говорит он со смехом. — И не волнуйся, все пройдет.

Это он о моих нервах или о заботе о престиже колонии? Возможности уточнить у меня нет, потому что он протягивает руку.

— Можно я уберу твой рюкзак? До Тозу-Сити он тебе не понадобится.

Он держит прозрачный пакетик с двумя серебряными полосками, одна пошире, другая поуже.

— Бери, этой твой идентификационный браслет. Каждому кандидату присваивается для Испытания опознавательный символ, выгравированный на браслете. Будешь носить вот этот, а узкий мы повесим на лямку твоего рюкзака. Так его никто не спутает.

Он закрепляет идентификационный браслет у меня на левом запястье, другой крепит на лямке рюкзака. Потом исчезает в кабине глоссера. Я разглядываю браслет. Он в дюйм шириной, сделан из толстых металлических пластинок. Я знаю, что на нем есть застежка, но на вид ее не отличить от других сегментов. Я выворачиваю запястье и вижу широкий серебряный диск с черной восьмиконечной звездой. В центре звезды стилизованная молния.

— Звезда — символ твоей группы на Испытании. — Голос Майкла заставляет меня вздрогнуть: я не заметила, что он снова стоит рядом со мной. — Ты увидишь других ребят с этим символом на браслете, но молния у тебя одной.

— Эти символы что-то означают? — Я задаю этот вопрос, не подумав. Вдруг ребята из других колоний, исправно поставляющих кандидатов на Испытание, разбираются в значении символов?

Может, Майкл и считает мой вопрос глупым, но не подает виду.

— Восьмиконечная звезда — символ омоложения. Ребята из этой группы

демонстрируют способности в самых различных областях. Принадлежать к этой группе просто замечательно. — У него теплая, бодрящая улыбка, и я поневоле улыбаюсь ему в ответ, гадая, в какой группе в свое время состоял он сам.

Тихий прерывистый сигнал заставляет Майкла посмотреть на часы. Потом он обводит взглядом площадь, и улыбка сходит с его лица. Зандри еще нет. Не знаю почему: то ли, как всегда, просто опаздывает, то ли решила пренебречь законом и отказаться от участия в Испытании. Неужели считает, что годами не применявшийся закон не будет применен в отношении нее?

Майкл просит его извинить и тихо совещается с магистратом Оуэнс и с моим отцом. Судя по тому, как настойчиво он тычет в свои часы, Зандри уже давно пора было явиться. Отец и магистрат Оуэнс уговаривают Майкла дать Зандри еще немного времени. Я отворачиваюсь и задерживаю дыхание. Я ведь знаю, какая кара полагается в этом случае. И — о, радость! — вижу ее. Щурюсь на солнце, слегка сомневаясь, а потом кричу:

— Вот она!

— Слава богу! — шепчет кто-то.

Ветер задирает на Зандри тонкую разноцветную юбку. Блузка на ней смахивает расцветкой на фазаний хвост. Она неспешно шествует через площадь, ее длинные светлые волосы сверкают на солнце, на губах улыбка. Подойдя, она даже не думает извиниться. Я догадываюсь, что она спланировала это появление: показывает, что ее можно о чем-то попросить, а пытаться управлять ею бессмысленно. Я восхищена ее бесстрашием, но вижу недовольный взгляд Майкла и начинаю за нее переживать.

Пока Майкл вручает Зандри ее идентификационный браслет и убирает в грузовой отсек ее рюкзак, папа снова меня обнимает. Майкл официальным тоном приказывает нам занять места в глассере. Пора двигаться.

Буря чувств, которую я сдерживала изо всех сил, вырывается наружу, меня душат слезы, и отцовские объятия бессильны их унять. Я бормочу, что ужасно его люблю, пытаюсь забыть обиду на Зина, не пришедшего со мной проститься, и прошу папу передать Зину мою записку, а всей семье еще раз сказать, как я их всех люблю. Папа отвечает, что тоже меня любит, и напоследок шепчет: «Смотри, Сия, никому не доверяй!»

Я залезаю в овальный глассер последней, за мной закрывается дверца. Я слышу щелчки замков. Ревет двигатель. Папа кладет ладонь на стекло иллюминатора, я касаюсь стекла со своей стороны. Мы встречаемся глазами, и я все же роняю слезу. Отец делает шаг назад. Глассер начинает приподниматься, и спустя мгновение мы уже мчимся вперед — прочь с площади, от всего знакомого и привычного, в сторону Тозу-Сити.

Мое сердце возбужденно колотится и при этом рвется надвое. На лицах остальных троих кандидатов на Испытание из Пяти Озер я вижу те же самые противоречивые чувства. Церемония выпуска перевела нас из статуса подростков во взрослое состояние, и это путешествие официально его закрепляет. Теперь мы предоставлены сами себе.

Я смотрю в окно, пока за горизонтом не исчезают последние знакомые детали пейзажа. Я стараюсь сохранить в памяти поля и холмы, которых не увижу много дней, а то и лет. А потом отворачиваюсь от окна и приступаю к изучению новой обстановки.

В бригаде отца было несколько рабочих глассеров на воздушной подушке, поэтому мне этот способ передвижения не в новинку. Но отцовские глассеры были менее совершенны и не так быстроходны. Собственно, сходство исчерпывается названием и движением в нескольких футах над землей. Глассеры из теплиц маленькие, в каждом помещается

максимум четыре человека, и то в страшной тесноте, а в этом с комфортом разместилась целая дюжина пассажиров. Мягкие серые сиденья пассажирского отделения очень удобны. Сзади есть кухонька и дверь в другое отделение. Салон такой высокий, что по нему можно расхаживать, не пригибаясь, и до потолка еще остается место.

Наших рюкзаков не видно. Хочется спросить Майкла, куда он их девал, но он сидит в отдельном водительском отсеке впереди и, похоже, сосредоточенно управляет этим аппаратом, который так и хочется назвать летательным. Хорошо, что он сосредоточен. Глиссеры могут скользить на высоте до 15 футов, но их устройство все же требует наличия недалеко от днища земной поверхности. Если внизу развернется глубокая яма, аппарат может в нее рухнуть. Скольжение над водой тоже сопряжено с риском, поэтому некоторые на всякий случай придают своим глиссерам плавучесть.

— Никогда ни в чем таком не ездил, — громко признается Малахия с тревожно расширенными глазами. Его отец работает на орошении, мать шьет стеганые одеяла. Понятно, что Малахии еще не представлялось случая прокатиться на чем-то посложнее велосипеда. Я стараюсь рассмотреть символ на его браслете. Это треугольник со стрелой в центре. Мы с ним в разных группах.

— Скорее, так еще не ездил никто из нас, — поправляет Малахию Томас, подходя к нему. — При такой скорости мы домчимся до Тозу-Сити еще дотемна.

— Думаешь? — Малахии уже не так страшно. — Как считаешь, нам позволят осмотреть город?

— Если только уже после Испытания. Расписание наверняка будет напряженным. — Томас с улыбкой хлопает Малахию по спине. — Но уже студентами Университета мы познакомимся и с городом, и с девчонками, верно?

— Конечно. — Малахия улыбается с облегчением.

— Не всех так манит этот Университет! — фыркает Зандри и, тряхнув своей гривой, презрительно на них косится.

Малахия вжимается в подушки, но Томасу хоть бы что, он только хохочет. Ему удастся развязать Малахии язык: они болтают о Тозу-Сити, который видели на картинках, о домах-громадинах высотой в десять и даже больше этажей. Даже у Зандри поднимается настроение, и она принимается рассуждать о скульптурах, которые мечтает увидеть.

Я слушаю их болтовню. Неудивительно, что именно Томас находит ко всем подход. Сама я, как всегда, чувствую себя самой младшей и неопытной. На уроках я привыкла поднимать руку только тогда, когда была уверена в правильности ответа, чтобы ни в коем случае не оплошать. Вот и теперь, совсем как в классе, я помалкиваю, наострив уши. Зандри, высокая белокурая красавица, излучает самоуверенность, но, обсуждая с Малахией живопись, заметно добреет. Я поражена, как хорошо он разбирается в художниках далекого прошлого.

Разговорив Малахию и Зандри, Томас редко вставляет в их беседу словечко. Он тоже наблюдает за ними, оценивает их смех и даже молчание. Он замечает, что я слежу за всеми тремя, и я отворачиваюсь с горящими от смущения щеками. Большинство девчонок нашего класса часами на него пялились, забывая о классной доске и вообще обо всем на свете. Я была лишена этого развлечения, потому что он сидел как раз за мной. Но надо было быть совсем слепой, чтобы даже из этой неудобной позиции не замечать, как преобразается его угловатое лицо от смеха и от ямочки, возникающей на левой щеке. Мне приходилось упорно бороться с побуждением убрать с его лба прядь волос. Конечно, я ни за что не набралась бы смелости это сделать. Тем лучше: мальчишки и свидания никогда не входили в мой список

приоритетов. А теперь — тем более.

Троица через проход от меня над чем-то хохочет. Мне горько, что я не в их компании, но я через силу улыбаюсь и изображаю интерес к теме их болтовни. Вскоре Зандри и Малахия признаются, что плохо спали, укладываются на скамьи с мягкой обивкой в передней части салона и почти сразу засыпают.

— Давай уйдем в хвост, чтобы их не беспокоить, — шепотом предлагает мне Томас. Я с замирающим сердцем следую за ним. Первым делом ему хочется обследовать хвостовую часть салона. Я заглядываю в шкафчик и радостно обнаруживаю там орехи, сухофрукты, сыр, крекеры. За дверью, оказывается, находится туалет.

Мы берем пакетик сухофруктов и воду и устраиваемся сзади. Томас подбрасывает в сильной мозолистой ладони дольку яблока.

— Не верится, что в этом году отобрали сразу четверых! — говорит он.

На его браслете восьмиконечная звезда с тремя волнистыми горизонтальными полосками. Моя группа! Наверное, по мне видно, как я удивлена и встревожена, потому что Томас спрашивает, в чем дело. Я объясняю про идентификационные символы. Малахия и Зандри дрыхнут без задних ног, поэтому я решаю высказаться начистоту.

— Ты заткнешь за пояс всю нашу группу, и меня в том числе.

— Шутишь? — Светло-серые глаза Томаса скользят по моему лицу. Потом он смеется и мотает головой. — Вижу, ты это серьезно.

— Ты же был лучшим в нашем классе!

— Только потому, что наша учительница новенькая и не знает, что ветровой и солнечный генераторы, которыми мы пользуемся в школе, — твоя работа.

— Мне помогли братья. — Достижение было не полностью мое, если бы не они, у меня бы ничего не вышло. — Отец говорил, что система орошения, которую ты разработал, поможет оживить местность за пределами колонии. Вот здорово!

Он пожимает плечами:

— Этой системой много лет занимался мой отец. Я просто внес кое-какие усовершенствования и слегка помог при отладке. Не хочу сказать, что мой вклад ничего не значит, но, конечно, я не гений, каким меня изобразила мисс Йорген. У меня такое впечатление, что она считает учеников из Пяти Озер недоумками. Не зря же столько лет никого из нашей колонии не отбирали для Испытания! Вот ее и впечатлил мой доклад о новой оросительной системе в начале учебного года.

Насчет предубеждения нашей учительницы Томас прав. В первые дни нового учебного года она обращалась к нам нарочито медленно, тщательно произнося каждый звук, как будто перед ней четырехлетки. Но, когда мы выполнили задание «Как я провел каникулы», все изменилось. Мисс Йорген старалась не показывать своего удивления, но задания становились все сложнее, и она уже не говорила с нами односложными словами. Теперь я склонна думать, что отец прав: наша прежняя учительница могла ввести Содружество в заблуждение, чтобы там решили, что из нас не получится лидеров. Зачем она так поступила? Потому что ей было невыносимо наблюдать, как разрываются семьи, или потому что она знала, что у путешествия будет недобрый конец?

— Что-то не так?

Я моргаю:

— В каком смысле?

Он приподнимает брови, намекая, что мое притворство неубедительно.

— Тебе не кажется странным, что в Пяти Озерах целых десять лет не отбирали кандидатов на Испытание?

Он кладет в рот изюмину, обдумывая мой вопрос.

— Мне приходит в голову единственное объяснение: Содружество считало, что у нас слишком маленькое население, чтобы отбирать у нас людей. За последнее десятилетие в Пяти Озерах здорово прибавилось народу.

Действительно, за эти годы к нам переехало примерно 350 человек. Но это, конечно, капля в море по сравнению с другими колониями с населением в несколько десятков тысяч.

— А ты считаешь, что причина в другом?

Мне хочется поведать о подозрениях отца, поделиться этим тяжким бременем. Каким облегчением было бы знать, что за признаками опасности слежу не я одна! Но в голове громко звучат слова отца при прощании. Если бы здесь были только мы с Томасом, я бы рискнула. Но мы не одни. Поэтому я говорю:

— Тебе не кажется, что причина может быть иной?

— Если что-то придумаешь, то обязательно со мной поделись. Я расскажу об этом брату. Он огорчен, что меня выбрали, а он остался на бобах.

— Знакомое чувство. Зин тоже сам не свой.

Он улыбается, дразня меня своей ямочкой. Мы целый час беседуем об общих друзьях, о своих близких, о том, по чему и по кому будем сильнее всего скучать, чего добьемся, если поступим в Университет. Я удивлена, что он хочет заняться возрождением земель, как мой отец. Мне казалось, что он должен стремиться к чему-то поярче. Хотя чему удивляться? Томас очень хорош собой, но при этом обладает завидными человеческими качествами, он всегда был настоящим, пусть неброским лидером. Он с радостью помогал соседу или ученику младшего класса, причем не ради похвалы или тем более вознаграждения. Такого, как он, мой отец охотно пригласил бы к себе в бригаду.

Мы доедаем сухофрукты, но по-прежнему голодны. Томас берет пачку крекеров и готовится ее открыть, но тут раздается голос Майкла:

— Через несколько минут остановка на ленч. Будите ваших друзей.

Но будить никого не нужно: голос Майкла такой громкий, что они вскакивают, как ошаренные.

Пока Зандри и Малахия зевают и потягиваются, я соображаю, как Майкл узнал, что Томас взял крекеры. Вряд ли это было совпадением. Но Томас не проявляет настороженности. Он просто кладет пачку обратно в шкафчик и подходит к остальным, чтобы поболтать. Но ведь он стоял спиной к кабине водителя. Решил, наверное, что Майкл оглянулся и увидел, как он берет крекеры. Только я знаю, видела, что Майкл не оглядывался. Как же он узнал?

А вот как! В углу салона поблескивает стеклышко. Объектив камеры? Я озираюсь и больше ничего похожего не нахожу, убеждаясь, что права.

За нами следят! Кто получает изображение? Один лишь Майкл? Или эта камера передает его дальше? Вдруг Испытание уже началось? Мысль, что мое лицо красуется где-то на экране, заставляет меня поежиться. У нас в Пяти Озерах телевизоры не в ходу. Телевизор есть у магистрата, у отца на работе, еще в нескольких местах. Но пользуются ими редко. Надо полагать, за пределами колонии они распространены шире.

Я иду по пассажирскому салону, чувствуя, что камера следит за каждым моим движением. Слышит ли она мои слова? Если бы можно было ее рассмотреть, я получила бы

ответ. Но я не отваживаюсь. Безопаснее заключить, что установившие камеру позаботились и о микрофоне. Я отворачиваюсь к окну, чтобы сохранить свое открытие в тайне от неведомых наблюдателей.

Бурый растрескавшийся пейзаж, над которым мы несемся, постепенно зеленеет, становится здоровее. С высоты нескольких футов легко определить, что почва делается все плодороднее, чернее, видны признаки освоения. Здесь потрудились другая колония. Стоя за водительской кабиной, я смотрю вперед. Вдали появились дома, среди них есть высокие — гораздо выше, чем те, к которым я привыкла дома. Я гадаю, что там за колония. Видимо, я задала этот вопрос вслух, потому что Майкл отвечает:

— Это колония Эймс. Мы остановимся на ее окраине и перекусим. Испытательный комитет позаботился, чтобы нас ждала еда.

— Саму колонию мы не увидим?

Он улыбается мне:

— Когда-нибудь увидите. А пока Испытательный комитет стремится оградить вас от постороннего влияния. Лучше сядь — как бы не упасть при торможении.

Я возвращаюсь в пассажирский салон, сажусь и передаю услышанное от Майкла остальным, не стесняясь чужих глаз, наверняка наблюдающих за всем происходящим. Из-за камеры мне приходится контролировать все свои движения. Это вызывает головную боль и напряжение мышц, особенно в плечах. Пейзаж за окнами меняется все медленнее. Через несколько минут глассер опускается и останавливается. Инерция бросает Малахию на пол.

— Прошу прощения, — говорит Майкл, появляясь перед нами. — С приземлением у меня еще проблемы. Пару дней назад поставили новые тормоза, они слишком быстро схватывают. — Он помогает Малахии встать, потом нажимает кнопку, и дверь глассера открывается.

Первым выходит Майкл, за ним мы. Снаружи тепло, пахнет свежей растительностью. Футах в пятидесяти от нас стоит приземистая бревенчатая хижина. Она окружена вечнозелеными деревьями, густыми кустами, высокой цветущей травой. Не верится, что неподалеку, за горизонтом, раскинулись иссушенные пространства, растрескавшиеся бесплодные земли. Здесь кто-то отменно потрудился.

Мы шагаем за Майклом по бетонной дорожке к хижине. Внутри кухонька, стол, пять стульев. Тут же маленький туалет. Площадь всего помещения не больше 14 квадратных футов, и здесь так пахнет жареным мясом, чесноком, овощами, что просто слюнки текут. Под большой прозрачной крышкой нас дожидается большая буханка хлеба и шмат сыра. В хижине прохладно, и Майкл предупреждает, чтобы мы не оставляли открытыми двери и окна, иначе нарушится микроклимат.

Мы по очереди посещаем туалет, моем руки и лицо. Я делаю это последней, чтобы успеть обойти комнату, якобы затем, чтобы оценить занавески и прочее убранство. Вот и первая камера — висит над широким деревянным столом. Вторая спрятана в правом верхнем углу кухни. Может, есть и другие, но мне их не найти. Двух вполне достаточно, чтобы испортить удовольствие от еды. Тем не менее, зная, что ни одно мое движение не остается незамеченным, я с довольной улыбкой уплетаю рагу, заставляю себя смеяться вместе со всеми. Замечаю уголком глаза, что Майкл наблюдает за мной, приподняв одну бровь. Он поднимает глаза на камеру, смотрит на меня и улыбается.

Он знает, что я знаю.

Я затыкаю себе рот толстым куском хлеба, чтобы жевать, а не говорить и иметь время на

размышление. Улыбка у Майкла довольная, даже гордая, можно подумать, что я получила трудное задание и не подкачала.

Он хочет, чтобы я знала.

Я в этом уверена. Потому и предупредил о скорой остановке на ленч именно в тот момент, когда Томас схватил крекеры. Конечно, он вполне мог ошибиться: Майкл моложе всех остальных чиновников из Тозу, которых мне доводилось встречать. С другой стороны, он бы не прошел Испытание, не окончил бы Университет, не получил бы эту работу, если бы был склонен совершать по безалаберности такие ошибки. То, что я заметила особенности поведения Майкла, — начало проверки или он решил мне помочь?

Майкл открывает дверцу буфета и приносит нам большое блюдо с печеньем. Оно похоже на то, которое испекла моя мать на праздник в честь моего выпуска. От этого напоминания о доме я грустнею. Остальные рады неожиданному лакомству. Я отодвигаюсь от стола и прошу разрешения прогуляться.

— Обещаю оставаться на виду. Просто хочу размять ноги перед продолжением пути.

— Почему бы нет? — Майкл смотрит на свои часы. — До отъезда полчаса. Кто-нибудь еще хочет пройтись?

Никому не хочется шевелиться, поэтому я беру одно печенье, иду к двери, выхожу на солнце. Воздух теплый, чудесный. Еще чудеснее — ощущение свободы. Ни камер, ни оценивающих взглядов. Не надо беспокоиться, что скажешь или сделаешь что-то не то и перечеркнешь свое будущее. Зная, что меня ждет, я ценю этот последний поток свободы. Он позволит сохранить спокойствие и твердость все предстоящие непростые недели.

Заметив справа вечнозеленую рощу, я бреду туда. Трава достаёт мне до пояса. Я наслаждаюсь ее ароматом и вкусом печенья, которое не спеша жую.

— Сия, подожди!

Я оборачиваюсь, шурю на ярком солнце, загораживаю ладонью глаза. Удивительно, как далеко я отошла за считанные минуты. Хижина, где мы обедали, едва виднеется в доброй сотне ярдов. Томас гораздо ближе, он быстро идет в высокой траве. Он помешает последним минутам моей свободы вдали от подглядывания и подслушивания. Мне хочется крикнуть, чтобы он ушел. Но все-таки для него это тоже последние мгновения, которые он проводит, как хочет, даже если сам об этом не догадывается. Мне стыдно лишать его их.

Я жду, чтобы он подошел, потом поворачиваюсь, чтобы брести дальше.

— Ты куда? — спрашивает он запыхавшимся голосом.

— Вон к тем деревьям.

Несколько минут мы идем молча, потом садимся в прохладной тени.

— Смотри, как бы Зандри не заревновала. Она положила на тебя глаз.

Я над ним подтруниваю, но в моих словах есть доля правды. Все, от изгиба ее золотого локона до трепета ресниц, призвано заставить Томаса обратить на нее внимание. Пока что он оставался стойким. Не уверена, как я отреагирую, если он все же дрогнет.

— Она меня не волнует. Меня волнуешь ты. — Он дотрагивается до моей руки, запуская мне на спину рой мурашек.

— Почему?

— Вижу твои поджатые губы, беспокойство во взгляде. Я изучил твое лицо, Сия. Мне видно, когда что-то идет не так.

Я пожимаю плечами и пытаюсь сама выбрать направление разговора:

— Мы только что расстались с родными и друзьями. Возможно, мы больше никогда их

не увидим.

— Я видел, как ты переживаешь из-за друзей и родных. Видел, что с тобой происходит, когда ты стараешься правильно ответить на вопрос. Тут не то и не другое. — Он накрывает ладонью мою ладонь и несильно ее сжимает. — Знаю, там, дома, мы с тобой не были закадычными друзьями, но ты можешь мне доверять.

Могут ли?

У меня замирает сердце, я отворачиваюсь, не выдержав его пристального взгляда, и смотрю на глассер, на хижину со ждущими нас камерами. Я знаю Томаса всю жизнь. Мы вместе работали над школьными проектами, вместе играли, даже протанцевали вместе целый незабываемый час на прошлогоднем выпускном празднике. В последнем учебном году мы мало разговаривали. Это моя вина. Томас много раз предлагал мне погулять, вместе выполнить какое-нибудь школьное задание, но я всегда находила причину ответить отказом. Подтрунивание братьев после той вечеринки, злые взгляды других девчонок, моя неуверенность насчет того, как понимать тот танец, заставляли меня от него шарахаться. Теперь я должна выбрать между привычным шараханьем и шагом ему навстречу. Рассуждая здраво, Томас — мой конкурент, моя цель должна заключаться в том, чтобы его обезвредить.

Скоро из хижины выйдут остальные, камеры снова начнут фиксировать каждое наше движение, а то и каждое слово. Я знаю, что здесь, в тени деревьев, куда почти точно не проникает взгляд камеры, у меня есть последняя возможность поделиться своей тревогой так, чтобы этого не услышали чужие уши. Отец меня предостерегал: никому не доверяй. Но, глядя в серьезные серые глаза Томаса, я решаю — только в этот раз — пренебречь отцовским предостережением. Если это ошибка, то я понесу за нее ответственность. Мне придется собственной судьбой искупать последствия.

— В глассере спрятана камера. В хижине я заметила еще две.

— Ты уверена?

Я решительно киваю.

Он оглядывается на глассер, прядь волос падает ему на лоб.

— Не пойму, зачем подглядывать за нами уже сейчас!

— Потому что Испытание уже началось! — выпаливаю я.

Стоило начать — и слова хлынули потоком. О стертых воспоминаниях отца. О его отрывочных кошмарах. О его уверенности, что наша прежняя учительница видела такие же кошмары и, используя свой авторитет, препятствовала отбору выпускников из Пяти Озер для Испытания. Потом я, затаив дыхание, жду, что Томас не оставит от опасений моего отца камня на камне, убедит меня, что нам ничего не угрожает. Это просто проверка, одна из многих, нам уже приходилось их проходить, а сколько еще впереди...

Вместо этого он говорит:

— Хорошо, что мы с тобой в одной группе. Будем друг за другом приглядывать.

— Думаешь, кошмары моего отца — это настоящие воспоминания?

— Я думаю, что полезно быть готовыми ко всему. Даже если они ненастоящие, нам неплохо быть начеку. А если настоящие... — Он переплетает свои пальцы с моими, и мы сидим молча, обдумывая непрозвучавшие слова.

Я подпрыгиваю от резкого свиста. Майкл машет нам рукой. Он готов ехать.

Томас встает и помогает встать мне. Пока мы торопимся обратно в высокой траве, он не выпускает мою руку. На полпути он останавливается и достает из кармана что-то, завернутое в белый хлопковый платок. Два печенья. Он берет одно и сует другое мне.

— Раз мы с тобой партнеры...

Это словечко вызывает у меня улыбку. Партнеры! Сколько же мы с ним партнерствовали! Каждый раз, работая вместе, мы получали лучшие оценки во всем классе. Мне хочется надеяться, что и теперь будет так же.

— Что ж, партнер, — говорю я, беря печенье, — не смей брать печенье у наших конкурентов. Мало ли что...

Как я и думала, Зандри раздражена тем, что мы с Томасом залезаем в глассер вместе. Возможно, Томас к ней безразличен, но, судя по ее кинжальным взглядам, предназначенным мне, она к нему равнодушна. Партнерство с Томасом создало мне, наверное, нового недруга. Необязательно такого же опасного, как тот, кто готов отравить мою еду, чтобы вырваться вперед, но, учитывая длину ее ногтей, мне следует держаться начеку.

Томас уходит в хвост глассера и садится с другими. Я собираюсь подсесть к ним, как вдруг ко мне прикасается чья-то рука.

— Все в порядке?

На меня заботливо взирает Майкл. Я в ответ улыбаюсь и, помня про камеру, говорю:

— Все отлично. Здорово было увидеть вблизи результаты стараний по возрождению природы. Они впечатлили бы моего отца.

Он оглядывается на камеру и тоже улыбается. В его взгляде больше нет тревоги, ее сменила радость. Да, по какой-то причине из всей четверки кандидатов из колонии Пять Озер Майкл решил помочь именно мне. Он определенно считает, что я хорошо справляюсь.

Майкл велит мне сесть и устраивается в своей водительской кабине. Зандри увлеченно болтает с Томасом про какую-то вечеринку, на которой они оба были недели три тому назад, а я опускаюсь в одно из глубоких кресел и чувствую, как глассер начинает движение. Зандри тербит свой браслет, квадрат со стилизованным цветком посередине, наклоняется, чтобы был лучше виден глубокий вырез ее блузки. Не знаю, как относятся к ее заигрываниям те, кто за нами наблюдает, но мне от этого тошно. Хуже того, ее ужимки, без сомнения, плохо

отражаются на будущих результатах Испытания. А учитывая то, что она вообще не хотела в нем участвовать...

Я жду паузы, чтобы спросить Зандри про новую ветряную мельницу, которую она помогала проектировать. Главная ее страсть — живопись, но она так же очень хороша по части симметрии и баланса, и этим ее талантам с радостью нашел применение наш городской архитектор. Держу пари, ее браслет как-то отражает эту специфику.

Зандри смотрит на меня с любопытством — наверное, потому, что я тоже участвовала в этом проекте, — но не упускает возможности поговорить о себе любимой. Томас задает ей вопросы про ветряк и втягивает в беседу Малахию, чтобы тот тоже рассказал о своих достижениях. На протяжении следующего часа мы с Томасом расспрашиваем двух других кандидатов, помогая им выигрышно смотреться перед невидимым Испытательным комитетом. Они — мои конкуренты, но при этом мы с ними земляки, и я сделаю все возможное ради нашего общего блага.

Со временем разговор начинает спотыкаться, мне становится трудно держать глаза открытыми после такого длинного дня.

— Почему бы тебе не поспать? — Томас садится рядом со мной и одаривает теплой улыбкой. — Если произойдет что-то интересное, я тебя разбужу.

Я следую его совету и растягиваюсь на кушетке в передней части салона. Не знаю, удастся ли мне заснуть на глазах у Томаса: не хочется, чтобы он видел меня такой беспомощной. Но все же я закрываю глаза, чтобы попытаться. Последнее, что я слышу, прежде чем реальный мир меркнет, — это просьба Томаса к Зандри и Малахии говорить потише.

Во сне со мной беседует отец. Тот, каким я его знала до того, как меня выбрали. Он терпеливо учит меня срощивать гены растений, поддерживает мои руки, когда я старательно копирую его движения. Предупреждает, что худшие неудачи обычно происходят перед величайшим прорывом. Учись на своих ошибках — и все будет хорошо.

— Сия, просыпайся. — Отец теребит меня. Нет, не отец, а Томас. Я больше не дома. Открыв глаза, я вижу улыбку Томаса. — Вставай. Майкл говорит, что ты пожалеешь, если это пропустишь.

Майкл прав. Я вижу в окне мерцание невероятно чистого водоема. От этой чистоты, да еще на закате, захватывает дух. Пять озер, в честь которых наречена наша колония, тоже прошли очистку, но до этой им еще далеко. От волшебного зрелища на глаза у меня наворачиваются слезы.

Сквозь слезы я вижу то, на что остальные смотрят сияющими глазами, широко разинув рты. Далеко впереди, за водной гладью, серебрятся здания. Видимость отличная на много-много миль. Это может означать только одно — Тозу-Сити. Мы почти на месте.

В школе нас учили, что 99 лет назад был заложен город Тозу-Сити, первый осязаемый признак того, что мы, народ, пережили все Семь стадий Войны: Четыре стадии уничтожения, обрушенного людьми друг на друга, и еще Три стадии сопротивления самой Земли. Это место было выбрано потому, что город, стоявший здесь прежде, был признан воюющими сторонами незначительной военной целью. Он не смог избежать разрушения из-за корчей Земли, землетрясений, ураганов и наводнений, тем не менее большая часть города устояла к моменту, когда Земля присмирела, и оставшиеся в живых жители стали его отстраивать.

Чем мы ближе, тем выше становятся дома. Как страшно и одновременно восхитительно,

должно быть, смотреть на мир с такой высоты! Некоторые здания не так уж и высоки, но идеально цилиндрические постройки из металла и стекла впечатляют не меньше. Домам нет числа. Я не могу определить, какие из них новые, а какие устояли в войнах. Дома начинают сливаться в одну массу. И повсюду люди — идущие, бегущие, смеющиеся, спешащие. Улицы запружены глассерами и велосипедами, старомодными автомобилями и скутерами на воздушной подушке. Большая часть улиц, которые мы минуем, аккуратные, чистые, новенькие. Именно этого я ждала от города, где расположен центр надежд нашей страны на лучшее будущее. Но потом я замечаю и другие улицы — грязные, заброшенные. Люди,двигающиеся по ним, плохо одеты и измождены; некоторые, похоже, голодны; некоторые, кажется, не одну неделю не мылись. Как это объяснить? Школа научила меня, что этот город — крупнейшее скопление нашего населения, не менее ста тысяч человек. Раньше я не осознавала истинного смысла этой цифры. Теперь я потрясена. Томас берет меня за руку, он бледен, глаза расширены. Думаю, не я одна ощущаю сейчас свою незначительность и испытываю смятение.

Майкл предупреждает нас, что мы направляемся напрямик в Испытательный комплекс. Никакого посещения достопримечательностей не предполагается. Но я замечаю, что, прежде чем нырнуть в большие ворота в форме арки, он провозит нас мимо колоссального Капитолия и холодного каменного министерства юстиции: Малахия говорил, что ему интересно увидеть оба эти сооружения. На металлической табличке рядом с аркой написано: «Университет Соединенного Содружества».

У меня замирает сердце. Вот и Университет! Вижу, здешние постройки совсем не новы. Красный кирпич, белая отделка. Башня с часами. Некоторые дома из стекла, другие каменные. Все свидетельствует о почтенном возрасте и о накопленной мудрости. Вижу скульптуру в виде двух сцепленных рук — в молитве? в надежде? Зандра может это знать, но мне не хочется ее спрашивать. Я довольствуюсь тем, что пытаюсь запомнить все, что вижу.

Мы минуем большой стадион, и глассер тут же начинает замедляться. Он останавливается перед массивным гладким сооружением из черной стали и такого же стекла. Вокруг пышный сад, изумрудная зелень, благоухающие цветы, но от этого соседства здание не делается менее суровым. У входа бронзовые буквы: ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР.

Дверь глассера открывается, и наша четверка спрыгивает на землю. При взгляде на сам Центр и на ведущую внутрь тяжелую железную дверь я чувствую спазм в животе. Теплая рука Томаса вовремя касается моего плеча. Мне достаточно знать, что он рядом, чтобы паника улеглась.

— Держи! — Майкл отдает мне рюкзак с моим символом. — Постарайся не потерять его из виду. — Это сказано совсем тихо, он выразительно смотрит мне в глаза, в его взгляде ни тени веселья, даже улыбки. Он — сама серьезность. Я должна любой ценой не лишиться своих скудных пожитков.

Многочисленный момент позади, Майкл отворачивается и громко говорит:

— Внутри вам покажут ваши спальные места, вы познакомитесь со своими соседями. Большинство кандидатов уже здесь, потому что их глассеры не подстерегали поломки. Последние несколько человек придут сегодня вечером. — Он пытается подбодрить нас широкой улыбкой. — Готовы войти?

Приемлемый ответ один — «да». Так наш квартет и отвечает.

Майкл кивает и нажимает на маленьком пульте у двери шесть кнопок. Щелчок, дверь распахивается, мы входим следом за Майклом. Последним через порог перешагивает Томас.

В следующее мгновение дверь захлопывается. Мы начинаем разглядывать Испытательный центр под лязг автоматически запирающихся замков. Если честно, мы сильно разочарованы. Вестибюль освещен тускло, вокруг белые стены, внизу зашарканный серый пол. В углу два серых деревянных кресла — это как будто уголок отдыха, но у кресел такой вид, словно в них никогда никто не сидел. Нам тоже не до кресел: Майкл ведет нас по длинному бело-серому коридору к лифтам. Я никогда не пользовалась лифтами, только читала о них и изучала принцип их действия.

Майкл жмет на кнопку, тут же раздвигаются дверцы, и мы входим в кабину впятером. Уух! Цифры над дверями в считанные секунды меняются от единицы до пятерки. Звучит звонок, двери открываются, мы видим залитый электрическим светом коридор с ослепительно белым кафельным полом. Стены коридора синие, впереди, за стеклянной перегородкой, просторное помещение со столами, стульями, множеством людей. Люди — наши ровесники. Опять у меня в животе спазм. Десятки кандидатов на Испытание!

Я слышу покашливание и вижу очень полную женщину с длинными седыми волосами в кудряшках, в круглых очках в золотой оправе, восседающую за большим деревянным столом. Она улыбается нам и встает.

Когда женщина обращается к нам, я испытываю облегчение. Сердечным и дружеским голосом она приветствует нас в Тозу-Сити и поздравляет с тем, что нас отобрали для Испытания.

— Большинство кандидатов прибыли вчера и сегодня утром. Ужин накрывают в зале позади меня. Можете освежиться и оставить вещи в своих комнатах, а можете идти ужинать прямо сейчас.

— Я пойду сразу, — решаю я. Если попаду в свою комнату, то мне может не хватить смелости оттуда высунуться. Судя по воинственному виду Зандри, ей хочется поспорить, но Томас со мной соглашается, и Зандри не идет на конфликт. Майкл кивает нам и ведет по коридору, приглашающе распахивает дверь. Мы оказываемся в большом зале, который уже видели через стекло. Вряд ли то, что в зале становится тихо, — моя фантазия. Все впиваются в нас глазами, всматриваются в наши лица, примериваются, оценивают нас как конкурентов. Потом возвращаются к еде и к разговорам.

Слева я вижу уставленный едой стол. Трое официантов как будто готовы объяснить, в какой тарелке что. Здесь несколько сортов хлеба, яблоки, апельсины, виноград. Густое говяжье рагу с овощами. Морковки и луковки в постном соусе, толстые куски невиданной рыбы. Майкл подсказывает, что рыба называется «лосось». На отдельном столе всевозможные пирожные и прочие сладости.

— Берите тарелки и ешьте сколько влезет. — Майкл подает пример.

Наша четверка дружно хватает тарелки и принимается наваливать на них еду. Я беру бублик с изюмом и орехами, кусочек лосося, яблоко, немного моркови. Больше в меня не поместится. Как я вижу, другие кандидаты не следуют этому правилу. Перед многими стоит по несколько тарелок, наполненных с горкой. Некоторые пробуют, отодвигают, ищут чего-нибудь повкуснее. Отец учил меня уважать продукты, которые мы сами выращиваем, и соседей, с которыми мы ими делимся. От одной мысли о вопиющем пренебрежении тем, на выращивание чего ушли долгие годы, у меня пропадает аппетит.

За ближними столами теснятся кандидаты. Пока мы идем к незанятым столам в глубине зала, они провожают нас глазами. Я ставлю свою тарелку на стол и успеваю оглянуться как раз в тот момент, когда толстый нечесаный парень ставит подножку Малахии. Малахия

роняет тарелку, и она разбивается. Если бы не быстрая реакция Томаса, Малахия очутился бы на полу, лицом в рагу.

Темная кожа Малахии не мешает ему краснеть. Он бормочет извинения и начинает убирать за собой, но Майкл заставляет его выпрямиться.

— Ты не виноват. — Он переводит взгляд на нечесаного толстяка, запихивающего пирожное в рот, кривящийся от усмешки. — Подержи-ка мою тарелку, я найду того, кто это уберет.

Малахия берет у Майкла тарелку и садится, потупив взор. Ему осязаемо стыдно за неприятную сцену, а у меня сами собой сжимаются кулаки, от ярости вскипает кровь. У меня дружная семья, в которой принято все обсуждать и спускать раздоры на тормозах. Но недаром у меня четверо старших братьев: драться я умею. Сейчас я тоже готова устроить обидчику взбучку.

— Сия, твоя еда остынет, — слышу я голос Томаса сквозь гудение гнева в ушах. Слова нейтральные, но я улавливаю в них предостережение. За нами наблюдают, любое движение может оказаться роковым. Подражаться я еще успею.

Я постепенно успокаиваюсь, разжимаю кулаки, сажусь за стол вместе с остальными и беру вилку. Томас хлопает Малахию по плечу и что-то шепчет ему на ухо. Не знаю, что он ему сказал, но Малахия приободряется и приступает к еде. Майкл возвращается с еще одной тарелкой и за едой не перестает болтать. В редкие перерывы до меня долетают обрывки разговоров за другими столами: там обсуждают нас, гадают, из какой мы колонии. Некоторые предполагают, что мы из Пяти Озер, но это предположение встречается взрывами смеха. Колония Пять Озер — это звучит для большинства как шутка. Во мне нарастает тревога.

Я все съела, осталось только яблоко. Лосось был, наверное, вкусный, но мне сейчас не до смакования. За пустой стол в глубине зала усаживается еще одна группа, шестеро кандидатов. Они торопятся есть, видя, как женщины в белых комбинезонах собирают со столов пустые тарелки.

— Добро пожаловать в Тозу-Сити! — раздается голос. — Поздравляем выбранных для Испытания!

Я не сразу нахожу говорящего: голос раздается из громкоговорителей, расставленных по всем углам зала. Наконец я вижу микрофон в руке у полной женщины, приветствовавшей нас у входа в столовую.

— Вас собралось сто восемь человек, — продолжает она. — В Университет поступят не более двадцати. Желаю каждому из вас удачи, пусть ему сопутствует успех!

Больше пяти человек на место! В зале раздаются негромкие голоса, кто-то уверен в победе, кто-то удивлен большим конкурсом, но очень старается скрыть тревогу.

— Раз все уже в сборе, — продолжает женщина, — завтра утром начнется процесс Испытания. Через десять минут всем надлежит явиться в свои спальни. Тем, кому еще не показали их спальное место, нужно обратиться к сопровождающему. Советую хорошенько отдохнуть, это вам поможет — впереди нелегкие дни и недели. Доброй ночи и удачи!

Майкл дает мне бумажку с номером и дольше, чем необходимо, не убирает руку. В его глазах и в позитиве я читаю пожелание успеха.

Мы покидаем столовую и разделяемся: девочки сворачивают направо, мальчики налево.

Мы с Зандри провожаем глазами Малахию и Томаса, потом вместе ищем свои комнаты. Мой номер 34, ее — 28. Прежде чем она заходит к себе, я легонько ее обнимаю. Неизвестно,

что будет завтра. Я желаю ей всего доброго. К моему удивлению, она отвечает мне тем же, и мы ненадолго застываем, обнявшись, связанные годами общего опыта и страхом перед неведомым. Потом каждая делает шагок назад. Она улыбается:

— Завтра ты им покажешь, слышишь?

Я киваю:

— Ты тоже.

Она скрывается за дверь своей комнаты, а я иду искать комнату 34 и нахожу ее через несколько дверей. Внутри кто-то копошится. Я делаю глубокий вдох, поворачиваю ручку тяжелой деревянной двери и вхожу.

— Привет!

Комната большая, в ней две широкие кровати, два стола, стулья. Мне требуется минута, чтобы понять, откуда донеслось негромкое приветствие. Я приятно удивлена: голос принадлежит высокой красивой девушке, широкоплечей, с длинными светлыми волосами. Она скромно улыбается:

— Я Райм из колонии Диксон. Похоже, мы соседки.

Я утвердительно киваю и делаю несколько шажков по комнате. За моей спиной защелкивается дверной замок.

— Я Сия из Пяти Озер.

Она радостно улыбается:

— Чудеса! За ужином только и разговоров было, что о Пяти Озерах и о том, что никто оттуда уже много лет не проходил Испытание. Все думали, что ваша колония вообще зачахла.

— Нет, мы существуем. Просто Пять Озер довольно невелика по сравнению с другими.

— Диксон тоже маленькая колония. — Она садится на кровать у дальней стены и подбирает под себя ноги. — Всего пятнадцать тысяч жителей. Мы были поражены, когда в этом году выбрали целых восемь человек.

У нее теплая улыбка, я невольно улыбаюсь ей в ответ. Сажусь на другую кровать и отвечаю:

— Пятнадцать тысяч — это очень много! В Пяти Озерах и одной тысячи не наберется.

— Сколько же вас приехало?

— Четверо, четверть класса.

Она спрашивает о Пяти Озерах: где это, что мы выращиваем, какое зверье у нас водится. Из рассказа о ее колонии выходит, что Диксон располагается примерно в трехстах милях к юго-востоку от Пяти Озер. Колония гораздо крупнее нашей, но беднее ресурсами. То ли с таким населением на всех не хватает, то ли бóльшая часть населения занята производством аккумуляторов и электроэнергии, а не возделыванием полей. Семья Райм — фермеры, они не голодают, но многие в ближайшем городе недоедают. Райм объясняет, что деньги, которые ее родители получают как компенсацию, пойдут на приобретение фермерского инвентаря и оборудования для хранения продовольствия, то есть в конечном счете улучшат продуктовое обеспечение самой семьи и окружающих.

Райм, похоже, гордится тем, что помогала кормить соседей. Я собиралась соблюдать дистанцию при общении с кандидатами из других колоний, но она мне нравится.

Наш разговор затягивается на целый час. Райм показывает мне свой браслет: на нем треугольник со стилизованной буквой А посередине. Не моя группа. Она предлагает помочь мне разобрать вещи, но я говорю, что все оставлю в рюкзаке. Кто знает, когда Испытанию придет конец для той или иной из нас? Она с улыбкой соглашается, хотя я вижу в стенном

шкафу рядом с ее кроватью два пышных платья. Моя мать эти платья одобрила бы. В нашем распоряжении своя маленькая ванная. Мы переодеваемся в пижамы и ныряем в свои постели. Райм просит разрешения пока что не выключать свет. Она сидит в постели скрестив ноги и листает фотоальбом, привезенный из дому. Видя на ее глазах слезы, я тоже переживаю, вспоминая свою семью. Вижу маму, сидящую у камина и спрашивающую, как прошел мой день, папу, обменивающегося с моими братьями удачными идеями за игрой в карты в кухне. Охваченная тоской по дому, я разрешаю Райм не гасить свет столько, сколько ей захочется, и накрываюсь с головой.

Она мне благодарна. Я уже закрываю глаза, когда она говорит:

— Если ты голодна, у меня есть кукурузные лепешки, я сама их испекла, угощайся.

Я засыпаю, положив рюкзак на свою кровать.

Сны у меня тревожные, хотя я не могу их вспомнить, проснувшись от голоса в репродукторе, сообщающего, что у нас есть час, чтобы одеться и поесть перед началом первого этапа Испытания. Я надеваю темно-бурые брюки, белую блузку с желтоватым оттенком и ботинки. Пижаму и вчерашнюю одежду я складываю и засовываю в рюкзак. Видя это, Райм удивленно приподнимает бровь, но ничего не говорит. На ней желтое платье в цветущих лютиках и сверкающие белые туфли. Она даже воспользовалась губной помадой и тушью для ресниц.

Мне слышно, как у нее урчит в животе, но до своих лепешек она не дотрагивалась. Может, это паранойя, но я считаю лепешки: девять штук. Если к завтрашнему дню их так и останется девять, то я буду точно знать, что Райм нельзя доверять ни моих вещей, ни секретов.

Я поворачиваю браслет на запястье, еще раз проверяю рюкзак и вешаю его на плечо. Райм идет в столовую со мной, не отвечая на приглашения, звучащие из-за других столов. Не знаю, зачем ей моя компания; наверное, у нее вызывают любопытство другие кандидаты из Пяти Озер. Судя по тому, что я слышала от нее вчера вечером, другие колонии как-то сообщаются одна с другой. А о Пяти Озерах никто ничего не знает.

Я беру на завтрак клубнику, цукатную дыню, бублик со сладковатым пряным ароматом и два ломтика хрустящего бекона. Райм шутит, что нервы лишили меня аппетита; сама она накладывает себе блинов, вафель, яичницы, колбасы, жареной картошки. Мы обе берем по стакану молока. Я озираюсь в поисках своих земляков. Они сидят за тем же столом, что вчера, но рядом с ними я вижу несколько незнакомых лиц. Не я одна явилась с сопровождением.

Малахия и Зандри знакомят нас со своими соседями, Бойдом и Николетт. Оба смуглые кареглазые брюнеты. Неудивительно, что они из одной колонии Пайн Блафф, расположенной к юго-востоку от нашей. Бойд состоит в одной группе с Зандри. Браслет Николетт я вижу плохо: его то и дело закрывает длинный рукав ее платья. Кажется, на нем сердечко. Я подсаживаюсь к Томасу, который, как и я, пришел в столовую с рюкзаком. Наши с ним земляки явились налегке, в отличие от примерно трети завтракающих, включая двух новеньких за нашим столом.

Под разговоры вокруг я без большой охоты завтракаю и стараюсь не думать о том, что мне предстоит. Если тех знаний, что я успела получить в школе, недостаточно, то с этим ничего не поделаешь. К концу завтрака я узнаю, что Бойд и Николетт — двоюродные брат и сестра. Их семьи вместе работают на рисовой ферме и бьются над улучшением системы

орошения. Рис — неведомая мне культура, никогда его не пробовала и почти ничего о нем не знаю. Томас тоже не в теме, но, прислушавшись к их разговору об орошении, мы не можем к нему не присоединиться. У меня даже возникает несколько занятных идей, в которых Бойд усматривает пользу.

Разговор такой интересный, что я забываю о своих тревогах, пока не звучит объявление:

— Просьба к абитуриентам Испытания собраться на лифтовой площадке, оттуда вас направят на первые экзамены. Удачи!

Спазм в животе, приступ тошноты, завтрак просится наружу. Кто-то сжимает мне руку. Я оборачиваюсь и заглядываю Томасу в глаза. Он тоже волнуется? Не поймешь. Но я рада его теплой поддержке. Я встаю из-за стола. Почти все девушки вырядились в свои лучшие платья и туфли. Я бы почувствовала себя на их фоне замарашкой, если бы не Томас. Он в ношенных черных ботинках, хлопковая рубаша и бурые штаны изрядно выгорели. Каким бы испытаниям нас ни подвергли, я уверена, что только нам с Томасом будет на них удобно.

Сотрудники в темно-красных комбинезонах отправляют всех нас на третий этаж. Спускаясь на два этажа в серебристой кабинке лифта, Томас не выпускает мою руку. У некоторых кандидатов это вызывает понимающую ухмылку, я хочу высвободиться, но Томас не соглашается. Не знаю, почему он так внимателен ко мне, почему решил поддерживать, но с ним мне не так страшно, и я довольна. Он назвал нас «партнерами». Это слово, конечно, никак не объясняет щекотное чувство у меня в животе, не имеющее отношения к экзаменам, а связанное с тем, что я ощущаю, когда его рука касается моей.

Двери лифта разъезжаются, и нас встречают другие сотрудники. Цвет их одежды говорит о более высоком статусе: они взрослые, они здесь главные.

Нас приглашают в большое помещение с сиденьями и сценой. Сцена залита ярким светом, на ней седой мужчина с бородкой, в бордовом комбинезоне. В руке у него микрофон, он ждет, пока мы рассядемся.

Мы с Томасом, по-прежнему не расцепляя рук, садимся в заднем ряду. Ищем глазами Зандри и Малахию, но не находим. Когда все садятся, сотрудники, стоявшие у дверей, входят и встают в проходах. Седой говорит в микрофон:

— Добро пожаловать в Тозу-Сити. Я доктор Джедедай Барнс. От своего имени и от имени всех коллег заявляю, что видеть вас здесь для нас большая честь. — У него сердечный тон и теплая улыбка. — Вы оказались здесь потому, что вы — лучшие, самые умные. Все Соединенное Содружество возлагает на вас свои надежды. Среди вас будущие лидеры нашей страны. Все лидеры должны подвергнуться проверке, этот процесс и начнется сегодня.

Все вокруг ерзают на стульях. Нервы? Возбуждение? Я, честно говоря, испытываю то и другое одновременно.

Оратор снова улыбается.

— Процесс Испытания состоит из четырех частей. Следующие два дня будут посвящены письменным экзаменам. Это проверка ваших знаний по истории, наукам, математике и литературе. Мы также получим представление о ваших логических способностях и умении решать задачи. По результатам этих экзаменов будет произведен первый отсев.

Напряжение в зале заметно усиливается. Я крепче стискиваю руку Томаса. Ему, наверное, приходится туго, но он не ропщет.

— Вторая часть — комплекс практических экзаменов, на которых вы сможете проявить свои способности по конкретному применению теоретических знаний. Те, кто их сдаст, станут участниками третьего этапа. Это будет экзамен на способность к коллективной

работе и к оценке сильных и слабых сторон товарищей по команде. И, наконец, четвертый этап: проверка вашего умения принимать решения и лидерских качеств. Заслужившие высокие оценки на всех четырех этапах Испытания пройдут индивидуальную проверку в отборочном комитете. Он изучит личность и психологические особенности победителей и определит, кто достоин заниматься в Университете, вместе с другими выдающимися умами участвовать в возрождении Земли и в возвращении нашей стране ее былой славы. Это величественная цель, но то, что я слышал о собравшихся здесь абитуриентах, особенно о представителях колоний, откуда к нам годами не поступало кандидатов, рождает уверенность, что вы способны ее добиться.

Сидящие в передних рядах оглядываются, ищут глазами Малахию и Зандри, меня и Томаса. Моя соседка предупреждала, что мы вызываем всеобщий интерес, потому что ходили слухи, будто колония Пять Озер испустила дух. Если бы в Испытании долгое время не принимали участия и другие колонии, она бы обязательно об этом обмолвилась. Выделив нас, д-р Барнс буквально намалевал у нас на спинах мишени. Он это нарочно? Его речь была слишком гладкой, слишком продуманной, чтобы предположить случайную оплошность. Уж не стремится ли он поощрить других ставить нам подножки? Или он разравнивает поле, чтобы остальные заранее видели в нас командных лидеров?

Д-р Барнс передает микрофон худенькой женщине в красном комбинезоне, с ярко-рыжими волосами. Она представляется: профессор Верна Холт.

— Сейчас вас пригласят в экзаменационные классы, — говорит она. — Все абитуриенты распределены по группам по принципу прежних академических достижений. Группа каждого обозначена большим символом на идентификационном браслете. Увидев символ своей группы на экране у меня за спиной, следуйте вместе с остальными к лифтам. Сотрудник встретит вас и отведет в экзаменационный класс. Желаю вам всяческих успехов и предвкушаю, как буду работать с вами в предстоящие дни и недели.

Раздается шум мотора, и над сценой разворачивается широкий белый экран. На нем появляется черное сердце. Носители этого символа тихо переговариваются: их время пришло. Николетт идет по проходу и исчезает за дверью вместе с двумя десятками ребят своей группы. Проходит несколько минут, в зале шепчутся. Я сижу, затаив дыхание, и жду, когда вызовут следующую группу.

Треугольник. Малахия и Райм.

Вижу в левом углу зала маленькую фигурку Малахии. Он поджал губы, сосредоточившись на происходящем или же от страха, и идет по проходу к двери. Я показываю ему большой палец, но он впился глазами в спину девушки впереди и не замечает моей попытки его подбодрить.

[Купить полную версию книги](#)